

Сентябрь 1860

Письма корреспондента «Times'a», находящегося при штабе Гарибальди

Продолжаем извлечение из писем того корреспондента газеты «Times'a», который сопровождает Гарибальди в его походе.

«Мессина, 7 августа.

Пока мессинцы пугали друг друга страшными мерами, которые мессинский комендант думает принять в случае высадки на калабрийский берег, Гарибальди провел весь день (6 августа) в Фаро*, наблюдая за приготовлениями. По обыкновению, он уехал туда рано утром с генералом Козенцем, которого зовут его «душою»; но назад в Мессину он поехал не сухим путем, как обыкновенно, а в лодке. Гарибальди принадлежит к тем высшим натурам, которые всегда найдут минуту для всего, что встретится им интересного, прекрасного или поучительного, как бы ни были поглощены какою-нибудь мыслью, завалены работою. Все, относящееся до пролива, вдвойне интересно для него: ведь он старый моряк; ему интересно изучать течение, их перемены, глубину воды, якорные стоянки, суда, лодки, — словом сказать, все, что касается этих оригинальных и прекрасных вод. Он толкует с рыбаками, любит посмотреть, как ловят меч-рыбу, — быть может, расскажет анекдот из своей южно-американской жизни, сравнит эти места с другими виденными им чудными берегами. Кроме того, тут прекрасные калабрийские горы, столь живописные с моря; там белеется Реджо, виднеется разбросанное Сан-Джованни, чернеется Шилла. Вчера земноводные наклонности заговорили в матросе-солдате, и он возвратился на лодке; его увлечение было так велико, что для нынешнего дня он также велел приготовить лодку.

Но ныне лодка была приготовлена с другою целью. Я говорил вам о двух соленых озерах на низменном песчаном полуострове, который кончается мысом Фаро. Узкий, но довольно глубокий канал соединяет их с морем, делая из них нечто вроде естественной гавани для довольно больших лодок. Это место, как нарочно, было создано для приготовлений. Двадцать больших барж, почти все еще сохранившие на корме отметку «Messageries Imperiales»**, были собраны тут уже несколько времени, и полков-

* Читатель помнит, что Фаро — крайний пункт того угла Сицилии, который обращен к матерiku, что в этом пункте самое узкое место пролива и что Гарибальди немедленно по вступлении в Мессину стал укреплять берег Фаро, базис, от которого должны были отправляться экспедиции в Калабрию.

** «Messageries Imperiales», несмотря на свое название, частное, а вовсе не общественное общество.

нику Бодрони, итальянцу родом, французу по воспитанию, поручено было приготовить их для перевозки лошадей и артиллерии. Опытный в постройке судов и энергический Бодрони кончил свое дело в несколько дней. Он открыл баржи крепкими палубами, сделал на каждой с трех сторон перила, а с четвертой стороны мост на крюках, облегчавший выгрузку. Каждая баржа может взять на короткий переезд 20 лошадей и поместить от 80 до 100 человек под палубою. Кроме того, по берегу собрано до 150 больших береговых и рыбацких лодок, поднимающих от 10 до 20 человек. Наконец есть у нас тут три парохода: «City of Aberdeen», старый деревянный колесный пароход, служивший для мирной перевозки товаров на восточном берегу Англии, «Калабрия» и «Герцог Альба», оба взятые пароходом «Tuscolo» (Veloce). С этими средствами можно менее чем в полчаса перевезти на ту сторону 5 000 человек. Расстояние между Фаро и ближайшим пунктом того берега, Torre Cavallo, 3 700 метров (3½ версты). В мирное время люди, обедающие в Фаро, посылают за час перед обедом на ту сторону за льдом или, лучше сказать, снегом к обеду. Иногда переправа затрудняется течением, которое бывает 6 часов на юг, другие 6 часов на север; сила его растет и уменьшается по лунным фазам; сильнее всего бывает оно в полнолуние и в новолуние. Нынешний день оно довольно тихо, — это видно по неаполитанским пароходам, которые в своих разъездах останавливают пар, давая воде нести себя вниз, потом опять пускают в ход машину и поднимаются против воды. Когда течение достигает полной силы, суда не могут стоять в проливе на якорю, тем больше, что у самого же берега пролив уже очень глубок.

Ныне весь день неаполитанские пароходы очень остерегались подходить на выстрел к батареям Фаро, сила которых растет с каждым сутками. Половина этих крейсеров ходят около Punta di Pezzo*, другая половина выше Шиллы, около Баньяры и Пальми**, — оба эти местечка ясно видны отсюда. Баньяра — группа домов на самом берегу, а Пальми стоит на вершине крутых скал, идущих вдоль берега за Баньярою.

Гарibaldi вернулся из Фаро уже вечером. Как только он приехал, командиры дивизий и бригад, находившихся в Мессине, собрались к нему, ожидая услышать какие-нибудь новые распоряжения. Настоящие военные советы у нас неизвестны, и это очень хорошо. Но каждый, имеющий что-нибудь сказать, сделать какие-нибудь замечания, сообщить какие-нибудь сведения, выслушивается всегда, когда бы ни пришел. А решает все сам Гарibaldi, один. Очень интересно наблюдать, как принимает он свои решения. Первая идея принадлежит почти всегда ему, — он, кажется, не имеет соперников по богатству идей и деятельности мысли. Он лучше всех понимает, что в народном движении, с такими солдатами, как у него, с волонтерами, опасно долго останавливаться и бездействовать. Да и самому ему хочется поскорее кончить свое дело и возвратиться на свой пустынный островок Капреру. Потому, когда другие отдыхают на лаврах, он ищет новых лавров. Другим все кажется, что приготовления не кончены; а ему кажется, что средства достаточно подготовлены, если есть достаточная охота к делу. Когда он выскажет новый план, принимаются работать другие головы и сообщают ему советы, ведущие к цели; во время этой фазы дела люди, не знающие Гарibaldi, едва ли увидели бы в нем ту энергическую решимость, которой он славится. Но люди, знающие его, видят в этой нерешимости энергическую работу ума, ищущего вернейшего пути. Это продолжается до самой минуты действия. Как приходит она, Гарibaldi будто пробуждается от сна. Всякое колебание исчезло. Точные приказания следуют одно за другим, с твердостью, показывающею неизменность решения. Но Гарibaldi хочет, чтобы каждый сам развивал эти приказания: они содержат только общую мысль; подробности предоставляются рассудку испол-

* На север от Фаро, на калабрийском берегу.

** На юг от Фаро, также на калабрийском берегу.

телей. В сражении Гарибальди не столько главнокомандующий, как обыкновенно понимают это слово, сколько общий помощник во всех затруднениях, всегда являющийся на опаснейшем пункте, одушевляющий и поправляющий битву. Это было бы опасно с обыкновенными генералами, привыкшими держаться рутины; но наши почти все расположены действовать самобытно, так что ни один корпус не остается без команды».

«8 августа.

Весь нынешний день был днем живой деятельности. Гарибальди, по обыкновению, рано утром уехал в Фаро. Главная квартира почти пуста. Генеральный штаб укладывается в путь. Колонновожатые, вообще пользующиеся наибольшим досугом в целом войске, ныне с самого утра весь день на ногах, бегают и разъезжают. Все спрашивают друг друга: «значит, мы идем? кто же едет? кто остается? куда мы идем, по берегу, или на ту сторону? когда, днем или вечером?» Поставщики захлопотались и в поте лица бегают по хлебникам, ищут провизии, убеждают купцов, торгующих колониальными товарами, макаронами, рисом, бранятся с виноторговцами. Горожане сходятся, толкуют, составляют догадки, приходят к заключениям, что готовится какое-то дело. Были забраны все телеги и фуры, какие только можно было отыскать. Городские начальства совершенно растерялись от суеты. Слепые могли бы видеть, глухие могли бы слышать, что готовится какое-то необыкновенное дело; даже неаполитанские аванпосты замечали это, а из цитадели было видно, как повсюду мы ищем лодок и отправляем их к Фаро, нагрузив всевозможными запасами и припасами. Единственная вещь, занимающая все мысли, — высадка на калабрийский берег; потому нетрудно было отгадать смысл всех хлопот. Начинается экспедиция, о которой говорилось так давно».

«На пароходе «City of Aberdeen».
9 августа.

Если Мессина была вчера театром необыкновенного шума и деятельности, то еще в десять раз больше было тревоги по дороге в Фаро, в селе Нижнем Фаро и его окрестностях. Все это пространство было муравейником, исполненным движения. У так называемой регулярной армии две трети этого пространства были бы заняты фурами и лошадьми; в нашем иррегулярном войске не так: багаж у нас слабое предание, обоз неизвестен, солдат несет с собою все нужное, то есть очень немного. Хорошо, если есть у него лишняя рубашка; она займет мало места в ранце, оставит много места сухарям или хлебу; еще лучше, если есть у солдата плащ поверх его полотняного или бумажного платья; но у большей части солдат найдется только ковер, служащий вместо плаща. Таким образом наши войска могут сдвигаться как трубки телескопа. Иначе не было бы возможности собрать у мыса Фаро столько сил, сколько было тут в прошлую ночь и ныне утром.

Вся артиллерия, все полевые и тяжелые орудия были уже на мысе вместе с инженерами, саперами и всеми принадлежностями орудий. Мыс Фаро служил складочным местом всех военных снарядов с той поры, как мы заняли Мессину. Вы поймете, что много места было монополизировано этими вещами. Вчера дивизия Козенца и бригада Сакки получили приказание идти к Фаро. Дивизия Козенца была расположена отрядами по всей дороге от Мессины до самого мыса. Всем этим отрядам было приказано двинуться с наступлением вечера и около 11 часов ночи быть как можно ближе к месту берега, где следовало им сесть на суда. Бригада Сакки, расположенная в деревне Фаро и ее окрестностях, должна была сойти с высот после дивизии Козенца и стать в тылу ее. Вторая бригада дивизии Тюрра, стоявшая в Мессине, должна была двинуться ночью и к рассвету

быть в Паче — деревне, отстоящей от Фаро на одну треть пути между Мессиною и мысом. Все силы, собранные таким образом, простирались по крайней мере до 10 000 человек, не считая артиллерии.

Зачем же собирались они? Представлялось два плана для ведения наступательных действий. Один, более блестящий и быстрый, но с тем вместе и более рискованный, состоял в том, чтобы перевезти собранные силы в середину континентальных владений неаполитанского короля; второй план состоял в том, чтобы высадиться в Калабрии и пролагать себе дорогу в Неаполь по сухому пути. Если виды Гарибальди были обращены только на Неаполь, то я уверен, что он не стал бы колебаться в выборе и принял бы более рискованный план, сообразнейший с его характером. Но цель его гораздо выше: он хочет достичь единства всей Италии при содействии всей Италии, в том числе и Калабрии. Пройти с одного конца Италии до другого — это практическое средство вселить единство, распространить национальные идеи, укоренить их, довести до зрелости, научить остальную Италию примером самоотвержения, который подает Верхняя Италия, посылая своих детей сражаться, терпеть лишения и умирать за общее дело. Калабрия имеет элементы, которые могут стать чрезвычайно важными для утверждения и защиты итальянской независимости. Кроме того, представители всех калабрийских городов являлись к Гарибальди с просьбою, чтобы он скорее прибыл к ним, — приглашение, в котором не мог он отказать им.

Эти причины заставили его избрать путь более долгий, но вернее и полнее ведущий к цели. Калабрийские солдаты, сражавшиеся в 1848 году в Верхней Италии, показали, каковы могут стать калабрийцы в хороших руках, а Гарибальди не такой человек, чтобы не вспомнить этого обстоятельства в походе национальной вербовки, как следует назвать нынешнюю кампанию. Когда было отдано предпочтение плану высадки на южном конце материка, то уже очень легко был выбор удобнейших для высадки мест. Эти места находились по берегу от Torre di Cavallo до Punta di Pezzo, по линии длиною около трех миль (5 верст); лодкам легко приставать тут. Севернее берег скалист, и против Шиллы течение очень сильно; южнее идет линия сообщений между Мессиною, Сант-Джованни и Реджо; мессинские батареи обстреливают это пространство, а у Сант-Джованни и Реджо находятся стоянки неаполитанских пароходов.

Torre di Cavallo, ближайший пункт континентального берега — небольшая терраса, возвышающаяся футов на 100 над дорогой, которая мало возвышается над приморьем. Терраса эта имеет вид подковы, отчего, вероятно, и получила свое имя*. С северной стороны по дороге от Шиллы скала эта почти отвесна и подходит к самой дороге. Камень тут, вероятно, легко обваливается, потому что видны конгифорсы, поддерживающие скалу, чтобы не завалила она дорогу. На северном конце скалы виднеется небольшое каменное укрепление, имеющее, говорят, до 20 орудий. На южной стороне террасы стоит другое укрепление с таким же числом орудий; это второе укрепление, называющееся форт Фиумара, возвышается над горным потоком или, лучше сказать, над его высохшим руслом. Дальше на две мили тянутся сады, пересекаемые только двумя другими руслами высохших потоков, а за ними лежит разбросанная деревня Каннителло, доходящая до самой Punta di Pezzo. Обошедши Torre di Cavallo и перешедши первый поток, дорога теряется между садами, походя мимо нескольких групп домов. Поэтому часть берега от Torre di Cavallo да Каннителло имеет вид тихого места, удобного для высадки. Гарнизон, как мы узнали из достоверных источников, имеет не больше как от 150 до 200 человек. С морской стороны форт открыт, потому что сторона эта неприступна по крутизне и высоте скалы. Сильнейшая сторона форта — та часть его, которая обращена в глубину материка; с этой стороны он довольно крепок.

* Torre di Cavallo значит — лошадиная башня,

Надобно было захватить врасплох на кочиненте такую позицию, господство над которой облегчило бы высадку главных сил. Надобно было только решить, на какой же форт напасть, на Фиумара или на Шиллу. По сведениям, полученным о Шилле, гарнизон в ней был чрезвычайно мал, всего человек до 30; это обстоятельство склонило наши мысли к ней. Майор Миссори, из корпуса колонновожатых, был послан, переодетый, на ту сторону, чтобы точнее разузнать положение дел. Он успел переехать без затруднений, пробыв на том берегу два дня и вернулся. Легкость этой поездки была бы удивительна, если бы могло быть что-нибудь удивительного при неаполитанском порядке. Люди разъезжают с берега на берег без всяких препятствий, и никто не спрашивает у них, откуда и куда они. Множество наших офицеров, родом из Калабрии, ездили по несколько раз видеться с своими семействами, с которыми были разлучены много лет изгнанием.

Майор Миссори переехал так, как переезжали другие, и осмотрел Шиллу, как только хотел. Шилла стоит на одинокой скале, возвышающейся со всех сторон почти отвесно; форт соединяется подъемным мостом с городом, лежащим у подножия скалы и спускающимся до самого берега. Подле форта церковь, а перед ним открытое место, служащее рыночной площадью. С конца площади узкий переулок, длиною ярдов в 25 (около 10 сажен), ведет к подъемному мосту. До недавнего времени у подъемного моста стоял один часовой, а другой над воротами. Но в последние дни неаполитанцы увеличили гарнизон до 120 человек и приняли предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Они поставили отряд перед церковью и двух часовых у входа в переулок, ведущий к подъемному мосту. Поэтому овладеть фортом врасплох стало труднее, чем мы думали: для этого было бы нужно довольно большое число людей, и являлась опасность, что приближение их будет замечено. Неаполитанцам стоило лишь поднять мост, и тогда невозможно был бы овладеть фортом без правильной осады и без пушек.

Несмотря на это неожиданное затруднение, майор Миссори, осмотрев местность, составил план внезапной атаки. Он хотел, чтобы сотня отборных людей, переодетых поселянами и вооруженных револьверами, переправились через пролив, группами по 5 и 6 человек, и соединились в одном или в нескольких местах, чтобы они пришли на рыночную площадь поутру, когда мост опущен, и смешались с народом и солдатами перед церковью. По данному сигналу они бросили бы двух часовых, и одна половина нападающих стремительно бросилась бы через мост, а другая задержала бы солдат, чтобы они не могли поддержать гарнизона.

План этот был хорош, но по многим причинам следовало отдать предпочтение нападению на Фиумарский форт. Из них главной была та, что на Фиумару можно было напасть ночью и тотчас же потом сделать высадку в больших силах, между тем как на Шиллу нельзя было напасть иначе, как днем, когда мост опущен, а днем неаполитанские пароходы были для нас опаснее.

Потому было предпочтено напасть на Фиумарский форт. Майор Миссори был выбран для исполнения этого подготовительного шага к переправе главных сил. Ему дали 40 колонновожатых, 100 человек из бригады Сакки и 50 человек охотников из разных отрядов, под командою полковника де-Флота. Им назначено было сесть на лодки в Фаро, в 10 часов ночи, и грести прямо на Фиумарский форт, высадиться под ним, броситься на него и взлезть на стену, для чего взяли они с собой лестницы и другие нужные вещи. Три пушечные выстрела должны были служить сигналом успеха.

А между тем дивизия Козенца должна была держаться в готовности. Около 2 000 человек должны были сесть на три парохода, остальные на лодки, расставленные вдоль берега. Приготовлены также были в маленьком озере лодки для пушек и лошадей; пароходы должны были взять их на буксир, когда придет минута. Высадив первые войска, пароходы должны были вернуться и везти другие войска.

Первые действия были довольно удачны. Солдаты, пароходы, люди, все было в готовности, и в назначенное время маленький отряд, выбранный для начала дела, сел на 32 лодки. Они поплыли при обстоятельствах довольно благоприятных: ночь была темна, неаполитанские пароходы находились далеко. Через несколько времени отплыли еще три лодки, оставшие от других за нагруженные военными снарядами. Все войско находилось полчаса в нетерпеливом ожидании. На том берегу продолжалась совершенная тишина, не слышалось никакого движения, потому все надеялись, что дело идет удачно. Но вдруг блеснул огонь и грянул гром пушечного выстрела, вслед за ним раздались ружейные выстрелы; иллюзия исчезла, надежда сменилась страхом за судьбу охотников. Прошло еще полчаса, — вы поймете сами, как тяжелы были эти минуты, — наконец послышался плеск весел, все бросились на берег; через несколько минут начали, одна за другой, приставать к берегу все 32 лодки; они воротились с известием, что высадили охотников незамеченными и готовились плыть назад, когда с форта раздался выстрел, дававший сигнал тревоги. Как могли заметить высадку в форте — остается загадкой, до сих пор еще не совсем понятной. Скоро воротились и три другие лодки, но они не высадили своих солдат. Они сбились с дороги или были снесены течением, и тревога началась прежде, чем успели они сделать высадку. Поэтому скорее всего надобно думать, что именно они были замечены и послужили причиною тревоги. Неаполитанские войска все приготовились к обороне; в этом не было сомнения, потому что три последние лодки несколько раз пытались пристать к тому берегу, но каждый раз принуждены были отплывать от него, слыша барабанный бой.

Еще оставалась надежда, что высадившийся отряд может пройти незамеченным и успеть в своем деле, потому что внимание неаполитанцев было обращено на берег. Но час проходил за часом, не принося желанного сигнала, трех пушечных выстрелов. Перед рассветом были пущены на том берегу две ракеты, — это был единственный признак жизни на нем. Как только занялась заря, мы не спукали зрительных труб с того берега, не увидим ли какого-нибудь знака: не поднимется ли где дым, не заметим ли движения войск. В десятом часу утра показались на дороге под Фиумарским фортом рота солдат и взвод улан с двумя пушками; они спускались вниз и подошли почти к самому морю. По всем признакам они производили рекогносцировку и подвигались с предосторожностями, как будто перед ними находится неприятель. По временам они ускоряли шаг, иногда стремительно бросались вперед, потом останавливались, строились в боевые ряды, словом сказать — как будто искали предполагаемого врага.

Утомившись ожиданием и проведенной без сна ночью, почти все бывшие на пароходах искали места, чтобы вздремнуть минутку. Сам генерал удалился на несколько времени в свою каюту, и общий зал нашего старого парохода наполнен отдыхающими людьми, составляющими живописную сцену на темномалиновом полинялом бархате залы. В одном углу высокая худощавая фигура Козенца, на голове у которого видны следы раны, полученной под Меладцо; подле него очки, которые он вечно таскает с собой; на нем мундир бригадного генерала пьемонтской армии. В противоположном углу лежит генерал Сиртори, начальник главного штаба. В третьем углу видна седая голова Гузмароли, неизменно сопутствующего Гарибальди повсюду, и на Капрере, и в Ломбардии, и в Риме, и в Сицилии. Далее группы более или менее незнакомых лиц, потому что много новых людей явилось в последнее время в штабе: не проходит ни одного дня без того, чтоб не приехал кто-нибудь, уже служивший когда-нибудь у Гарибальди или рекомендованный ему как человек, способный ко всяким обязанностям, но особенно желающий находиться в его штабе. Разумеется, никому не хотелось пропустить такого дела, как экспедиция в Калабрию, и каждый, кто мог, пробрался на один из пароходов, прямым путем или хитростями. Вместе с итальянцами тут люди со всех концов Европы, люди всех званий, говорящие вавилонским смешением языков, представляющие любопытный

сборник всевозможных костюмов; священники, монахи, корреспонденты газет, артисты, даже дамы; одна из них ученица мисс Найтингель, сестра милосердия; другая в изящном наряде, в каком была вчера в Мессине. Тут на палубе и под палубой стрелковый батальон, артиллеристы, саперы, матросы, машинисты, кочегары. Весь берег усеян солдатами: они едят, пьют, спят, играют, бродят туда и сюда, болтают, шутят, бранятся; офицеры хлопотливо бегают между ними или стараются пробраться через толпу на своих упрямыших лошадах; подле самой воды стоят ряд пушек; среди всего этого стоят запряженные волами фуры; солдаты толпятся вокруг них, ожидая раздачи порций; вдали неаполитанские пароходы, с любопытством смотрящие на нас, — все это составляет картину, достойную величайшего живописца».

«Фаро, 10 августа.»

Вчера, около полудня, мы успокоились, получив известие от переправившихся на ту сторону охотников. Они все благополучно пробрались в горы, и к ним уже присоединилось множество калабрийских инсургентов. Они надеются скоро иметь силы, чтобы начать действовать. Чтобы отвлечь внимание неаполитанцев к морю и тем дать время для инсургентов усилиться, в эту ночь мы несколько раз разводили пары и делали фальшивые попытки к переправе. Хитрость эта удалась: неаполитанские пароходы, канонирские лодки и гарнизоны фортов целую ночь были в тревоге. Они беспрестанно менялись сигналами, передвигались, поднимали фонари, спускали их, но почти не производили стрельбы; только когда пароходы приближались, аванпосты начинали ружейный огонь.

Ныне утром войска, бывшие на пароходах, высадились опять на берег, и сам Гарибальди поселился в башне маяка в маленькой комнатке сторожа. Он теперь живет одиноко, как любит жить в минуты, подобные настоящей, а над его комнатой площадка маяка, с которой он, как с обсерватории, может обозревать все окрестности. Как могли разместиться в жалкой рыбацкой деревушке Нижнего Фаро толпы лиц, принадлежащих к его штабу, это уже их тайна. Солдаты (хотя большинство их и новобранцы) привыкают устраиваться с возможным удобством. Пока думали немедленно отправиться в экспедицию, они стояли вдоль дороги и берега; теперь они ищут убежища от солнечного зноя под деревьями соседних виноградников».

«11 августа.»

Нынешняя ночь прошла довольно тихо. Несколько лодок было послано испытать зоркость неаполитанцев; они подходили к тому берегу; но ночь была светла, потому их скоро заметили и встретили ружейными выстрелами.

Ныне, на рассвете, прибыли значительные подкрепления к фиумарскому гарнизону. По дороге видны были густые колонны пехоты; теперь мы получили сведения, что гарнизон усилен целыми тремя стрелковыми батальонами, лучшим войском в неаполитанской армии. Все они не могли поместиться в маленьком форте, и часть их расположилась на открытой местности подле него».

«12 августа.»

Нынешняя ночь не была похожа на прошлую. Все время длилось постоянное волнение, причины которого мы можем еще только угадывать. Оно началось в 10 часов вечера. Несколько выше Punta di Pezzo, на высоком берегу, стоит неаполитанский форт, а за ним ряд разбросанных домов. Ночь была ясна, и мы видели в этом направлении ружейный огонь, продолжавшийся несколько минут. Потом на несколько времени все затихло. Около полуночи перестрелка возобновилась. Шесть канонирских лодок, часто виденных нами близ Фаро, подошли к тому берегу и открыли сильный огонь по земле. Через несколько минут подошли три большие неапо-

литанские парохода и также начали стрелять, впрочем изредка. Судя по свисту ядер, казалось, как будто на берегу есть пушки, отвечающие пароходам. Через час огонь прекратился, но перед рассветом был возобновлен, потом опять прекратился и снова начался около семи часов утра. В это время было уже светло, но солнечный блеск не давал нам различить, есть ли на берегу пушки, стреляющие по пароходам. Если они есть, как утверждают некоторые, то нет сомнения, что наши охотники или инсургенты овладели фортом».

«13 августа.

Вчера приказом по армии было объявлено, что Гарибальди уехал и на время его отсутствия главная команда поручается начальнику штаба. Действительно, вслед за обнародованием этого приказа Гарибальди с двумя спутниками сел на «Вашингтон» и отплыл от Фаро назад. Этот внезапный отъезд — загадка, на которую можно отвечать еще только предположениями. Я только расскажу вам факты, оставляя выводы на вашу волю. Вчера утром пришел в Фаро «Вашингтон», один из наших пароходов, на нем прибыли майор Трекки и доктор Бертани, бывший доверенным агентом Гарибальди в Генуе. Они приехали вместе из Генуи в Палермо, где пробыли один день. Майор Трекки, по взятии Палермо, отвозил письмо от Гарибальди к королю и с той поры постоянно разъезжал из Палермо или Мессины в Турин и назад. Последний отъезд его из Мессины был во время заключения перемирия с генералом Кларк.

Вечером пришел «Тюкери» (Велоче), бывший в починке в Палермо, взял два стрелковые батальона и ушел на север.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, возбудили в армии мнение, что переговоры имели успех, которого не желал почти никто из наших офицеров. Отъезд Гарибальди в Палермо объясняли тем, что составляется там конгресс или какое-нибудь свидание для решения дела.

Но здесь дела имеют характер, не соответствующий этим мирным предположениям. Нет сомнения, что восстание в Южной Калабрии распространяется с каждым днем. Оно растет вокруг нашего небольшого отряда, перешедшего туда, и инсургенты не только держатся, но сами нападают на неаполитанцев. Ныне ночью, уже долго спустя по отъезде Гарибальди, мы были пробуждены сильным ружейным огнем с того же места, где шла перестрелка вчера ночью, т. е. близ форта Punta di Rezzo. Огонь продолжался минут десять, потом были сделаны три пушечные выстрела с канонирских лодок и два с форта. Ружейный огонь тотчас же прекратился и скоро все затихло. Я не могу объяснить это иначе, как демонстрацией переправившегося отряда. С нашего берега видно, какое действие начинает производить эта система. Неаполитанские войска беспрестанно движутся взад и вперед; они изнуряют себя аванпостной службой.

Говорят, что сила калабрийских инсургентов простирается уже до нескольких тысяч».

«14 августа.

Вчера посылая я вам таинственное объяснение таинственного отъезда Гарибальди; теперь сообщу другое. Вчерашнее составляет предмет общих разговоров, о нынешнем только перешептываются. «Вашингтон» привез майора Трекки, адъютанта Виктора-Эммануэля, но он привез также доктора Бертани, главного распорядителя по отправлению экспедиций из Генуи. Бертани привез известие, что 6 000 волонтеров поехали из Генуи по направлению в Кальяри. Хитрости, которыми неаполитанцы были обмануты в Монреале и Парко, еще так свежи в памяти, что у нас предполагают их повторение. Сделать демонстрацию на одной стороне, а действительно оперировать с другой — этим искусством Гарибальди владеет в совершенстве. В его характере было бы сделать с этими 6 000 человек демонстрацию, чтобы отвлечь внимание неаполитанцев на другую часть берега и через это облег-

чить переправу здесь, или воспользоваться волнением, произведенным здесь нашими приготовлениями, и высадить несколько тысяч человек на каком-нибудь другом пункте берега — таковы предположения, делаемые у нас. По этим предположениям войска, отправленные на «Тюкери», посылаются угрожать какому-нибудь третьему пункту — вещь тем более правдоподобная, что «Тюкери» ходит быстрее всех неаполитанских кораблей.

Но есть одно обстоятельство, противоречащее этому объяснению. Наш отряд на том берегу и калабрийские инсургенты получили приказание не нападать на неаполитанцев до нового распоряжения. Они должны укрепляться и увеличивать свою численность, но не предпринимать никаких наступательных действий. Впрочем, и это может быть объяснено предположением, что Гарибальди хочет отвлечь внимание неаполитанцев на другой пункт.

А это было бы необходимо, если он хочет вести действия здесь: весь берег от Реджо до Шиллы охраняется теперь с неусыпностью, почти наверняка в неаполитанцах. Они имеют непрерывную цепь постов вдоль всего берега, от Torre di Cavallo до Сан-Джованни».

«Мессина, 15 августа.

Вчера вечером было большое передвижение между Фаро и Мессиною. Командиры отрядов были приглашены к генералу Сиртори, командующему армиею на время отлучки Гарибальди. Цель приглашения была очевидна: наконец должна совершиться давно ожидаемая высадка. Узнав об этом, публика положила, что она будет произведена непременно где-нибудь в проливе. Все смотрели через узкий пролив, рассуждая о фортах и неаполитанских пароходах.

Переправа в присутствии сильного неприятеля — дело трудное, хотя бы совершалась и через небольшую, неглубокую речку. Еще гораздо труднее переправиться через пролив с страшными течениями, имеющий несколько сот сажен глубины и нигде не имеющий менее двух миль ширины, — переправиться в виду 10 военных пароходов, против которых мы не можем выставить ни одного, в виду нескольких канонирских лодок, четырех тяжелых батарей и войска, по крайней мере равняющегося численностью нашему. Такие обстоятельства должны заставить хорошего генерала подумать о высадке на каком-нибудь другом пункте, избега я здесьнего берега, на котором сосредоточено все внимание неприятеля, и Гарибальди не такой человек, чтобы поступить иначе.

Перед его отъездом было решено сделать перемены фронта и, продолжая для обмана неприятеля приготовления к переправе через пролив, выбрать для высадки какой-нибудь пункт материка на север от пролива. Местность благоприятствовала такому плану. Северо-восточный конец острова суживается к мысу Фаро; в Мессине ширина острова не больше 6 миль (10 верст), а за Мессиною еще меньше. Таким образом, в несколько часов все войска было можно перевезти на другой берег острова, и это движение можно было скрыть от неприятеля, хотя он следил за нами очень, очень зорко. Большая горная цепь, пересекающая Сицилию, идет к деревне Верхнему Фаро и кончается близ нее круглым холмом, на котором стоит земляной редут. С мессинской стороны горы круты, с другого бока более отлоги. Поэтому движения войск скрываются за горами.

Пароходы и лодки также могли перейти на северную сторону острова в Мелашцкую гавань, не будучи замечены неаполитанскими крейсерами. Гавань эта лежит на обыкновенном пути кораблей из Мессины в Палермо; идя из одного города в другой, суда почти всегда заходят в нее. Кроме того, ближайшее к Фаро озеро имеет через каналы сообщение и с проливом и с северным берегом, так что собранные в этом озере лодки могли быть переведены на северный берег. Расстояние не велико, потому войскам было одинаково легко сесть на суда в проливе или на северном берегу.

Мы продолжали делать вид, как будто готовимся сделать высадку в проливе. У нас в проливе стояли два или три парохода; часть войск оставалась расположена по берегу пролива. А между тем колонны были двинуты на северный берег. Первая бригада Козенца перешла в деревни: Верхнее Фаро, Санта-Лучия, Санта-Никола, Сан-Джорджо. Бригада Сакки, занимавшая Верхнее Фаро и Гаудари, перешла в Спадафору.

Между тем как часть войска угрожала сесте на суда в этих двух направлениях, дивизия Тюрра готовилась к переправе в другом пункте. Первая бригада, ходившая в Монте Кастильйоне* и другие города около Этны для восстановления порядка, получила приказание стать в Таормине** или, точнее говоря, в Джардини, деревне, лежащей под горою, на которой лежит Таормина; вторая бригада, которая шла к Фаро, была послана соединиться с первою.

Таким образом были подготовлены высадки в двух направлениях: одна на юго-восточный, другая на западный берег Калабрии.

Но исполнение этих высадок зависело от хода операций, для ведения которых отправился из Мессины Гарибальди, и пора коснуться этих операций. Вскоре по вступлении Гарибальди в Мессину некоторые предводители патриотической партии в папских владениях приехали к нему, чтобы условиться о плане нападения на эти области. Решено было, что вторжение в папские владения произойдет одновременно с высадкою на горную часть материка, около половины нынешнего месяца. Для вторжения в папские владения собрано было 6 000 человек; было подготовлено восстание в папских провинциях к тому же времени. Корпус, назначенный для вторжения, решено было перевезти отдельными отрядами на остров Сардинию; пароходы из Палермо должны были пройти туда и перевезти экспедицию на материк.

Высадку на континент из Сицилии надобно было произвести, когда готова будет экспедиция, приготавливавшаяся на острове Сардинии, — мы должны ждать известия о том. Прежде полагали, что это известие будет получено нами в прошлую ночь или ныне утром; потому и начали мы вчера с вечера готовить высадку. Но до сих пор еще не пришло ожидаемое известие, и потому распоряжения теперь приостановлены.

Ночь прошла тихо, без малейшей тревоги, — это очень удивило всех, видевших приготовление. Не было ни одного выстрела, никакого движения в войсках. — Ныне пришел «Queen of England», коммерческий пароход, купленный в Англии агентами Гарибальди с тем, чтобы обратить его в военный корабль. На нем привезено 16 нарезных пушек и прислано торговцам на продажу 23 000 энфильдских штуцеров. «Queen of England» построен крепко, но все-таки едва ли может быть вооружен всеми орудиями, которые привез; впрочем, он будет очень полезен для нас и тогда, если можно будет поставить на нем хотя две 68-фунтовые пушки.

Получены известия от маленького отряда, находящегося в Калабрии. Он нашел безопасное убежище в горах близ пролива, не терпит ни в чем недостатка, толпы жителей приходят посмотреть на него, и присоединяется к нему много волонтеров. Он имел только одну небольшую стычку, в которой ранен был один из наших; другой случайно ранил сам себя из своего ружья; кроме того, двое пропали: предполагают, что они заблудились в ночь высадки и, вероятно, попались в руки неаполитанцев».

«17 августа.

Вчерашний и нынешний день прошли спокойно. Ныне получено известие, что Гарибальди возвратился в Палермо*** и приедет сюда ныне ночью

* На юго-запад от Мессины и на северо-запад от Катачи.

** На восточном берегу Сицилии, на половине расстояния между Мессиною и Катачию.

*** С острова Сардинии, куда ездил вместе с Бертани.

или завтра утром. Разумеется, все операции приостановлены до его при-
 бытия.

Сардинский пароход «Карл-Альберт», постоянно ходивший между Палермо и Мессиною, возвратился после недолгой отлучки. Из всех иску-
 шений, представляющихся нашим солдатам, самое сильное — овладеть этим
 прекрасным кораблем, и нет конца жалобам на строгое приказание не ка-
 саться его. Матросы и некоторые из офицеров расположены помогать нам,
 потому овладеть пароходом было бы легко. Но это строго запрещено; мы в
 тесных сношениях с Пьемонтом, потому «Карл-Альберт» остаётся непри-
 косновенным для нас. Мы даже отыскиваем и, если найдем, возвращаем
 матросов, переходящих к нам.

«19 августа.

Вчера утром Гарибальди возвратился из Палермо. С ним приехал гене-
 рал Тюрр, на несколько недель уезжавший в Aix-les-Bains лечиться. Гари-
 бальди купил ружья, привезенные на «Queen of England», и приказал воору-
 жить этот пароход. Менее чем в час сделал покупку ружей и отдал рас-
 поряжения, Гарибальди тотчас же отправился в сопровождении Тюрра и
 нескольких других ближайших лиц в Таормину, подле которой, в Джар-
 дини, стояла бригада Биксио (первая бригада дивизии Тюрра), готовая
 сесть на суда.

Прежде чем стану рассказывать об этой высадке, скажу несколько слов
 о делах, по которым приезжал Гарибальди. Я уже говорил вам, что доктор
 Бертани, его генуэзский агент, приезжал к нему с известием, что 6 000 чело-
 век готовы отправиться в экспедицию в папские владения. Golfo d'Orangio,
 на восточном берегу острова Сардинии, был выбран доктором Бертани, как
 самый удобный пункт для сбора войск; он переправил туда свою экспеди-
 цию небольшими отрядами, а сам поехал видеться с Гарибальди. Были при-
 няты все предосторожности для возбуждения уверенности, что эта экспе-
 диция, подобно прежней, назначена в Сицилию; но истинное ее назначение
 все-таки было узнано, и сильные представления были сделаны туринским
 министерством, чтобы не усложнять дела вопросом о папских владениях до
 окончания неаполитанского вопроса. За день перед отъездом Бертани из
 Генуи сам Фарини приехал туда с этим требованием, а майор Трекки привез
 такие же требования лично от короля. Требования министерства, вероятно,
 остались бы безуспешны, но желание короля достигло своей цели. Я уже
 несколько раз говорил вам, что Гарибальди имеет рыцарскую привязан-
 ность к Виктору-Эммануэлю, как символу итальянского единства. Един-
 ственным возражением против экспедиции было то, что Пьемонт станет в
 затруднительное положение, если прямо из пьемонтских владений будет
 произведено вторжение в Папскую область. Поэтому туринское правитель-
 ство советовало перевести этот шеститысячный корпус в Сицилию, подобно
 прежним корпусам, и уже оттуда отправить его дальше. Эти требования до-
 стигли успеха; но по прежнему плану корпус был уже перевезен на остров
 Сардинию, и Гарибальди решился сам поехать туда, чтобы посмотреть, как
 поступить дальше.

Выбор места на берегу острова Сардинии был предоставлен генуэзскому
 комитету, распоряжавшемуся и остальными подробностями. Но выбор
 Golfo d'Orangio оказался неудачен, потому что трудно было там запастись
 провизией и водой. Кроме того, и организация перевезенного туда отряда
 была неудовлетворительна. Увидев это, Гарибальди совершенно отказался
 от мысли о немедленной высадке в папские владения и решился употре-
 бить этот шеститысячный отряд для упрочения своего успеха на юге*. Тот-
 час же были сделаны распоряжения для перевозки этих волонтеров в Сици-
 лию. 1 000 человек из них были отправлены на пароходе «Торинно» кругом

* Из нашего описания, следующего за этим переводом, читатель увидит, что корреспон-
 дент «Times'a» не вполне излагает характер обстоятельств, растроивших экспедицию, о ко-
 торой здесь говорится.

Сицилии в Таормину, куда был отправлен и другой пароход «Франклин». Пароходы эти должны были взять в Таормине бригаду Биксио и перевезти ее на южный берег Калабрии. Это было одно из тех смелых и быстрых движений, которые любит Гарибальди. Внимание всех было обращено на пролив и на западный берег материка, — этим открывалось удобство для высадки на южный или восточный берег.

«Торино» и «Франклин» прибыли в Джардини в ночь с 17 на 18 число; к утру была уже кончена нагрузка военных принадлежностей и войска были уже на пароходах. Гарибальди выехал из Мессины вчера в час полудни, в четыре часа приехал в Джардини; вся сила экспедиции простиралась до 9 000 человек. На «Торино» были посажены 2 000 человек, остальные сели на «Франклин» и на два парусные судна, взятые на буксир пароходами. Когда все приготовления были кончены, Гарибальди решился сам командовать экспедицией, в которой находится и старший его сын. В семь часов вечера, когда смерклось, экспедиция отплыла от берега. В каком именно пункте высадится она, это не определено вперед и будет зависеть от обстоятельств. Но все внимание неаполитанцев сосредоточено на проливе, потому должно надеяться, что войска высадятся на берег без препятствий. Корабли пошли прямо к ближайшему пункту Калабрии, находящемуся милях в 20-ти (верстах в 30-ти) от Таормины. Если высадка будет удачна, Гарибальди думает в тот же день напасть на Реджо.

Теперь уже полдень, а дурных известий до сих пор нет, потому мы надеемся и верим в счастье Гарибальди. Мы условились, каким сигналом будет нам дано знать об успехе высадки, но сигнал этот можно будет дать только ночью. А между тем мы расставили караульных, и воздушные телеграфы внимательно наблюдают, не будет ли чего заметно на том берегу.

Итак, войско опять осиротело, но лишь ненадолго. Вторая бригада дивизии Тюрра готова отправиться за первую в том же направлении, то есть на восточный берег, а другие войска одновременно с тем двинутся на западный берег и через пролив».

«Мессина, 20 августа.

Звезда Гарибальди сияет ярче прежнего. Вскоре по отсылке моего вчерашнего письма мы получили известие об успехе высадки Гарибальди с бригадою Биксио. Мы узнали об этом из письма самого Гарибальди, излагающего дело с обыкновенным своим лаконизмом. В письме выставлено «11 часов утра. Мелито»*. Гарибальди пишет: «Мы высадись успешно. Солдаты наши отдыхают; поселяне толпами собираются к нам. «Торино» сел на мель; все усилия снять его остались напрасны». Почти в то же самое время мы получили от нашего союзника, неаполитанского воздушного телеграфа, посылаемое им в Реджо известие, что Гарибальди с 8 000 человек высадился у мыса Спартивенто, что крейсера ничего не могли сделать, потому что у него «8 линейных кораблей и 7 больших транспортных пароходов» и что нужна скорейшая помощь. Ответа не было, и теперь мы знаем причину тому: воздушный телеграф около Мелито разрушен. Вечером возвратился «Франклин», бывший в экспедиции, и привез подробные известия о высадке. Перед самым отплытием, когда войска были уже посажены на пароходе, оказалась во «Франклине» течь; солдат надобно было снова перевозить на берег и отыскивать, где именно находится течь. Была ночь, и матросы колебались нырять для ее отыскания. Гарибальди, смотревший на них, снял с себя шпалу и сказал: «вижу, что мне надобно самому искать, где течь». Через минуту 20 матросов были в воде; но поиски их остались напрасны, потому что подводная часть парохода была покрыта морской травой и раковинами. Оставалось одно средство: действовать помпами; помпы имели успех, но не полный. Гарибальди не остановился перед этою трудностью. Он сказал солдатам, чтобы они опять сажались на пароход,

* Мелито лежит на самой южной оконечности Калабрии.

сказал им, что по несколько дней плавал на кораблях, находившихся в гораздо худшем состоянии, и что переезд, продолжающийся несколько часов, пустяки.

Пароходы поплыли на восток и в два часа ночи были у калабрийского берега. «Торино», тяжело нагруженный (на нем кроме военных снарядов было 2 000 человек), сел на мель. Но это не помешало начать высадку близ мыса Спартивенто* в бухте, на запад от него. Не было нигде видно ни неаполитанских крейсеров, ни их войск; дело шло беспрепятственно; но не исполнилась надежда, что «Торино» снимется с мели, облегчившись выгрузкою; он остался крепко засевшим; «Франклин» шесть часов старался стащить его с мели, но безуспешно. Видя, что ничего нельзя сделать, Гарибальди велел «Франклину» вернуться в Мессину. Лишь только обогнул «Франклин» мыс dell'Armi**, как встретился с двумя неаполитанскими фрегатами, спешившими к Мелито. «Франклин» поднял американский флаг, был пропущен неаполитанцами и пришел в Мессину.

Первым делом высадившегося войска было приняться за разрушение станций воздушного телеграфа. Одну успели разрушить, но другую не могли скоро отыскать, и, таким образом, известие о высадке было передано в Реджо и дошло до нас. Тогда же были посланы люди отыскивать отряд из 200 человек, переправившийся в Калабрию за 12 дней перед тем. Он находился в диких горах Аспромонте***, в трех часах пути от высадившегося войска, к которому скоро присоединился.

Неаполитанцы и на этот раз, как под Палермо, были совершенно обмануты маневрами Гарибальди. Они сосредоточили свои войска по западному берегу Калабрии от Реджо до Монтелеоне, послали 1 800 человек искать первый наш маленький отряд и совершенно забыли об охранении остального берега. Они, очевидно, и не воображали, что мы можем обойти кругом Сицилию, не проходя через пролив. Самый Реджо они считали находящимся вне опасности, так что поставили в нем всего только восемь рот, — четыре стрелковые роты и четыре роты линейной пехоты****. Как только жители Реджо узнали о высадке Гарибальди, они послали депутацию к неаполитанскому командиру спросить его, думает ли он сражаться, и потребовать, чтобы он вышел за город, если думает сражаться, потому что они не хотят видеть своих домов разоренными; а если он сам не пойдет из города, прибавляли горожане, то они восстанут и выгонят его. Неаполитанский командир обещался выступить за город.

Судя по тем неаполитанским войскам, с которыми мы сходились, большая часть их офицеров, не колеблясь, пристали бы к нам, если бы были уверены, что сохранят свои чины; они живут и содержат свои семейства только жалованьем и не решаются рисковать им, еще не видя, на чьей стороне сила. Если бы мы могли давать обещания именем короля Виктора-Эммануэля, почти все они были бы нашими, но мы еще только временное правительство, не признанное европейскими державами; потому, вероятно, понадобится еще довольно большое сражение для убеждения их, что перейти на сторону итальянского дела будет не риском, а выигрышем.

В нынешнюю ночь ясно были видны сигнальные огни на высотах, поднимающихся около Мелито; они возвещали обоим берегам пролива о высадке Гарибальди. Все население Мессины до глубокой ночи гуляло по иллюминированным улицам, слушая оркестры, игравшие до 12 часов. Цитадель уныло молчала. По конвенции она должна была хранить перемирие, что бы мы ни делали, если только не будет нападения на нее. Таким образом, гарнизон видит наши приготовления и не может ничему помешать.

* Мыс Спартивенто составляет восточную оконечность южного берега Калабрии.

** Западный край южного конца Калабрии; расстояние между ним и местом, где происходила высадка — верст пятьдесят.

*** На юго-востоке от Реджо. Аспромонте составляет южную оконечность Аппенинского хребта и покрыта лесом.

**** Реджо лежит южнее Мессины, на половине того пространства калабрийского берега, которое составляет один из боков пролива.

По всей вероятности, Гарибальди ныне будет в Реджо, — по крайней мере он так хотел; но, разумеется, нельзя угадать, не будет ли он принужден обстоятельствами изменить свой план.

Все наши войска, оставшиеся здесь, держатся в готовности сесть на суда по первому приказанию; где и как они высадутся, это зависит от хода дел в Калабрии и соображений Гарибальди. Незачем говорить, с каким нетерпением каждый ждет этих приказаний».

«21 августа.

Вчера мы получили известия с того берега. Гарибальди находился близ Реджо, и к нему присоединилось несколько сот калабрийских волонтеров. Он хотел быть в Реджо ныне на рассвете; там только 700 человек гарнизона, да и тот стоит не в городе, а за городом, на дороге, по которой идет Гарибальди. Город находится в руках 1500 человек национальной гвардии, готовой присоединиться к Гарибальди. Письмо, сообщающее эти известия, приказывает второй бригаде дивизии Тюрра сесть на суда ныне ночью в Мессинской гавани и к рассвету быть на той стороне. Приказано также, чтобы, лишь только начнется нападение на Реджо, дивизия Козенца сделала попытку отплыть из Фаро и произвела тем диверсию в этом пункте. Во вчерашнем письме Гарибальди находилось приказание командиру «Карла-Альберта» итти к тому берегу, чтобы помочь «Торино» сняться с мели. Сардинский командир повиновался, и «Карл-Альберт» отправился вчера вечером к Мелито. Неизвестно, впрочем, успеют ли снять «Торино», и если успеют, то годится ли он куда-нибудь, потому что вчера утром фрегат и пароход, присланные неаполитанцами по первому известию о высадке, стреляли в него.

Тотчас же по получении письма были даны приказания готовить вторую бригаду дивизии Тюрра к отплытию, и в час пополудни она уже собиралась садиться на «Queen of England», «Франклин» и «Sidney-Hall», пароход, пришедший вчера вечером из Генуи с несколькимистами человек. Но кажется, что неаполитанцы узнали о нашем намерении: один из их фрегатов стал перед входом в гавань, и нам пришлось отказаться от мысли об отправлении пароходов.

Ныне на рассвете начался сильный ружейный огонь, сначала около Реджо, потом в самом Реджо. Через несколько минут также начали стрелять два неаполитанские парохода и пять канонирских лодок. Этот огонь продолжался несколько часов. Начала стрелять и реджоская цитадель. В 8 часов утра ружейный огонь прекратился, но корабли продолжали стрелять по городу. Около 9 часов возобновила огонь цитадель, прекращавшая его на несколько времени; но корабли уже не отвечали ей. Мы еще не получили никаких известий об успехе этой битвы.

Пока шла она, часть дивизии Козенца села на лодки в Фаро. Экспедиция отплыла, когда было уже совершенно светло. Четыре неаполитанские парохода стояли близ Фаро, но лодки поплыли, не задерживаясь этим. Два другие парохода, шедшие к Реджо, также пришли к Фаро, увидев экспедицию. Все они пошли к Фиумарскому форту, к которому направилась экспедиция, и начали стрелять; начали стрелять и форты Фиумарский, Шилла и Punta di Pezzo. Сильный огонь продолжался до 9 часов утра. Мы еще не знаем, какой успех имела наша экспедиция».

«Реджо, 24 августа.

Наше положение в Калабрии можно назвать упроченным. Реджо в наших руках, а высадка Козенца произведена почти без потери. Оба эти дела служили облегчением одно другому, как обыкновенно бывает при планах, хорошо обдуманных. Решившись итти на Реджо, Гарибальди приказал сделать диверсию со стороны Фаро, чтобы отвлечь пароходы, собравшиеся при известии о его приближении. Он высадился так счастливо, что показалось возможным заняться стаскиванием «Торино» с мели. Пока хлопотали

над этим (с шести до 11 часов утра), войска, высадившиеся у высохшего русла потока близ Мелито, старались расположиться как-нибудь поудобнее на гостеприимном берегу, выжженном солнцем. Составив ружья, солдаты сняли свои плащи и ранцы, одни легли отдохнуть после бессонной ночи, а другие пошли искать воды, которой почти лишена эта часть Калабрии в летние месяцы. В это время пришли неаполитанские пароходы. «Франклин» (экспедиция переправилась на двух пароходах, «Торино» и «Франклин»), видя безуспешность своих усилий стащить «Торино», ушел в Мессину, когда неаполитанские пароходы еще не показывались, и прошел мимо них при входе в пролив. Таким образом, неаполитанские пароходы нашли только «Торино», сидевший на мели, и наш отряд, расположившийся лагерем на берегу. Они начали стрелять по пароходу и по лагерю. Солдаты, спокойно отдыхавшие, получили приказание подняться вверх по горам, чтобы не подвергаться напрасной опасности. Горы тут подходят близко к берегу, и солдаты передвинулись на них. Тогда неаполитанцы сосредоточили свой огонь на «Торино» и скоро зажгли его. Ночь Гарибальди провел в Мелито.

Один из тех благоприятных случаев, которые на войне называются «счастьем» генерала, привел в Мелито нескольких людей из отряда, за две недели перед тем высадившегося в Калабрии: они были посланы из Сан-Лоренцо за хлебом и встретились с нашими. Они сообщили первые подробные сведения о судьбе своих товарищей. План переправы этого небольшого отряда был составлен по известиям, которые были сообщены калабрийцем бароном ди-Муссолино. Он обещался ввести в верхний Фиумарский форт инженерного офицера с тремя артиллеристами; высадку положено было сделать подле самого форта. Калабрийские проводники должны были ждать там наших, чтобы провести их окольной дорожкой на террасу к форту с той стороны, где он имеет только высокую стену с амбразурами, но без пушек. Люди, заранее введенные в форт, должны были отворить находящиеся с той стороны ворота. На всякий случай солдатам даны были лестницы. Военная часть экспедиции вверена была майору Миссори, но весь план высадки принадлежал барону Муссолино, от этого разделения команды, вероятно, и произошла неудача в нападении на форт.

Первое расстройство случилось оттого, что отряд высадился не у потока, находящегося подле форта, а у другого; в ночной темноте трудно было различить местность и рассчитать силу течения в проливе; вероятно, и сицилийские лодчики предпочитали править к месту менее опасному. Как бы то ни было, но отряд не нашел проводников на том месте, где высаживался. Было послано по 5 человек в обе стороны искать их. Заметили ли неаполитанцы, что произведена высадка, или у них и прежде стояли караулы на берегу, но дело в том, что одна из партий, посланных искать проводников, наткнулась на неаполитанский патруль, обменялась с ним несколькими выстрелами, взяла двух неаполитанцев в плен, и выстрелы подняли на ноги гарнизон форта. Он сделал несколько пушечных выстрелов и начал ружейный огонь в темноте неудачу. Майор Миссори хотел выжидать, что будет; но часть его отряда, смущенная этою тревогою, пошла в горы, бывшие поблизости. Остальной отряд, видя, что напрасно было бы ждать больше, также пошел в горы по сухому руслу ручья и, сделав утомительный переход, прибыл на следующий день в Cascina de'Forestani, одинокую ферму в горах, где понемногу собрались к нему и солдаты, пошедшие по другим дорогам; пропало в темноте только пять человек, которые попались в руки неаполитанцев.

Неудача и поспешное отступление, конечно, не могли ободрить солдат отряда. Все те, которые не были под прямою командою Муссолино, приписывали неуспех его плохим распоряжениям; офицеры составили нечто вроде военного совета и почти все хотели передать всю власть одному майору Миссори. Но чтобы не поселять неудовольствия в калабрийцах, решили, наконец, оставить все попрежнему.

Сообщение с берегом было отрезано у нашего отряда неаполитанцами; он был заперт в пустыне; но положение его не было безнадежно. Все соседние деревни наперерыв снабжали его всем нужным. Неаполитанцы, хотя имели огромный перевес в числе, не думали в первые дни тревожить его; притом же леса и горы представляли довольно безопасный путь отступления. Простояв несколько дней в Cascina de Forestani, отряд захотел попытаться счастья. Нападение на Фиумарский форт не представляло бы никаких шансов успеха: наши знали, что гарнизон его получил подкрепление и неаполитанцы заняли террасу, господствующую над фортом; потому отряд решил идти на Баньяру, приморский городок к северу от Шиллы. Занимая вершину гор, наш легкий отряд мог свободно идти по какому угодно направлению; он выступил вечером на четвертый день и шел всю ночь, но проводники оказались плохи, и он несколько раз сбивался с дороги. К утру наши волонтеры были, однакоже, на высотах, поднимающихся над Баньярою и фортом, которым снабжен этот город, подобно почти всем городам, лежащим на берегу. Десятка два стрелков были посланы вперед; они поддерживали несколько времени перестрелку, но скоро наши увидели, что, имея 200 человек, ничего не могут сделать против нескольких батальонов, опирающихся на форт, снабженный пушками; потому они отступили и снова, сделав утомительный переход, вернулись на прежнее место, в Cascina de Forestani.

Если неудача первой попытки овладеть Фиумарским фортом ослабила отвагу небольшого отряда наших волонтеров, то и на неаполитанцев произвела такое же влияние их высадка вместе с приготовлениями Гарибальди. Из депеш, посланных по телеграфу в Неаполь, видно, что неаполитанцам повсюду грезилась высадка волонтеров: в Канниятелло, налево от Реджо, в Бианки, в Джераче Бовелина, на восточном берегу; а когда Гарибальди в самом деле явился, он не встретил на берегу неприятеля.

По отступлении нашего отряда от Баньяры неаполитанцы сформировали легкую колонну из 1800 человек под командою Бриганти, послали ее в погоню и успели дойти до Cascina de Forestani, не будучи замечены нашими. Увидев такого многочисленного неприятеля, наши отступили в леса, покрывающие вершину горного хребта, оставив 45 человек на своей прежней позиции, чтобы прикрывать отступление. Несмотря на свою многочисленность, неаполитанцы не стали нападать и заняли наблюдательное положение. Дав своей колонне отступить, наш маленький арниергард пошел за него: неаполитанцы не тревожили его и на отступлении.

Волонтеры наши по самому хребту Аспромонте сделали утомительный переход в 22 часа и пришли в Сан-Лоренцо, на южном спуске Аспромонте, близ Мелито. Сан-Лоренцо построен на отдельном утесе, высоко поднимающемся над окрестными холмами. В такой позиции легко было бы защищаться, если бы неаполитанцы дошли туда. Жители поиняли в Сан-Лоренцо, как и повсюду, наших волонтеров с восторгом. Чтобы не слишком обременять собою городок, имеющий 2000 жителей, наши послали две партии собирать продовольствие по другим местам, и одна из них пришла в Мелито в тот самый день, как высадился там Гарибальди — 19 числа. Тотчас же послали в Сан-Лоренцо известие остальному отряду; но как он ни спешил, — он успел соединиться с Гарибальди только уже под Реджо во время битвы.

Увидев погибель «Торино», Гарибальди не захотел терять времени и 20 числа вышел из Мелито по дороге, идущей вдоль берега. Первые восемь миль (16 верст) этого пути до мыса dell'Argi представляют только тропинку, по которой во многих местах людям надобно проходить поодиночке. Но еще затруднительнее был недостаток воды: в это время года все колодцы почти высыхают, а потоки пересыхают совершенно. Особенно тяжел был этот недостаток для корпуса, в котором находилось много сицилийцев. Из всех живых существ, известных мне, сицилийский волонтер самое жадное до воды; он совершенно унывает, если чувствует жажду. Но

Гарибальди неумолим: вполне владея собою, он не терпит слабостей и в других. Притом же надобно было не терять времени, чтобы дойти до Реджо, прежде чем неаполитанцы успеют прислать подкрепление гарнизону. Поэтому много солдат отстало; они пришли потом с колонною майора Миссори, шедшею из Сан-Лоренцо.

Дав своему войску небольшой отдых в нескольких милях от Реджо, Гарибальди двинулся дальше на рассвете следующего дня. Рассказ, что жители Реджо просили командира гарнизона, полковника Дюме, сражаться за городом, оказался справедливым. Оставив несколько сот человек в цитадели, с остальными Дюме занял позицию перед городом на ручье, на котором построен каменный мост. Каждый поток в Калабрии составляет крепкую позицию не только зимою, когда многие из потоков неприступны, но и летом, когда они пересыхают: берега потоков круты и непременно покрыты густым лесом. Но неаполитанцы, повидимому, не думали крепко защищать свою позицию. Гарибальди разделил войско на три колонны. Город Реджо, подобно всем городам на здешнем узком побережье, очень длинен и неширок, хотя часть его построена уже на холмах. Целью Гарибальди было овладеть этою верхнею частью города, которая господствует над другою половиною, и главные силы, под командою самого Гарибальди, двинулись по этому направлению; Биксио вел среднюю колонну, шедшую на мост, а левая колонна шла по побережью. Не знаю, с самого ли начала неаполитанцы не хотели драться серьезно, или упали духом от какой-нибудь другой причины, но, как бы то ни было, они скоро начали отступать в центре и на своем левом фланге; только правое крыло их оказало некоторое сопротивление. Гарибальди с горстью людей занял ферму против их позиции, в ожидании подкреплений для атаки в штыки. При первом натиске неаполитанцы отступили, и колонна вошла в город, гоня их перед собою; они поспешно побежали на противоположный конец города. Биксио, между тем, также вошел в город по главной улице и, заняв соборную площадь, отрезал отступление неаполитанскому отряду, с которым сражался. Эта часть неаполитанцев повернула тогда в верхнюю часть города и, выходя из переулка на верхнюю улицу, идущую параллельно с главной, встретила колонну Гарибальди. Волонтеры хотели атаковать неаполитанцев, но Гарибальди остановил атаку, думая, что неаполитанцы передаются нам. Вместо того они бросились бежать; наши погнались за ними, захватывая в плен десятки их; остальные вразброд бежали к Сан-Джованни*. Менее чем в два часа после первого выстрела город весь был в наших руках. Неаполитанцы оставались только в цитадели. Потери с обеих сторон были ничтожны. Мы понесли бы много урона и, быть может, не одержали бы успеха, если бы неаполитанские пароходы (их было тут целых семь) поступили так же, как в Палермо. Но, очевидно, они имели приказание не стрелять по городу. Они только пустили несколько ядер и картечных зарядов на дорогу, когда колонна шла к городу; но как только она вошла в город, огонь прекратился. Притом же внимание пароходов скоро было отвлечено в другую сторону. У Козенцы было все готово к переправе войск из Фаро на калабрийский берег, по первому сигналу о нападении на Реджо. Десятью лодок, наполненных войском, ждали этого сигнала на озере, где не замечал их единственный неаполитанский пароход, оставшийся у северного конца канала (все другие ушли к Реджо). Как только послышался первый выстрел от Реджо, 60 лодок вышли из озера и поспешно поплыли на ту сторону, остальные быстро последовали за ними. Пароход, бывший у Фаро, вместе с другим, шедшим из Реджо, хотели перерезать им дорогу, но не успели и могли только стрелять по пустым лодкам, когда солдаты, перешагнувшие в них, уже заняли позицию на горах. Скоро пришлось этим пароходам позаботиться о собственном спасении, потому что батареи, устроенные в Фаро, открыли огонь. Неаполитанские ядра не сделали нам никако-

* Городок верстах в десяти на север от Реджо, почти прямо против Мессины.

го вреда, вероятно и наши не сделали почти никакого неаполитанцам. Разумеется, наши артиллеристы непоколебимо утверждают, что многие из их выстрелов попали в цель и что один из неаполитанских пароходов окончательно испорчен ими. Как верный летописец, я должен сказать, что этого не было.

Пока происходила эта смелая переправа у Фаро, Гарибальди, выгнав неаполитанцев из Реджо, стал блокировать цитадель. Она, как и все прибрежные форты, имеет настоящие укрепления с морской стороны, а противоположная сторона у всех этих фортов вооружена плохо. Реджосская цитадель с трех сторон окружена домами, построенными подле самых стен, а соседние горы совершенно господствуют над ней. Только с морской стороны она может хорошо действовать. Горы были заняты нами, заняты и некоторые дома вдоль стен, и началась перестрелка, — одна из тех перестрелок, которые не ведут ни к чему, кроме того, чтоб ранить нескольких человек в обоих войсках. В числе людей, пострадавших тут, был бригадный командир Биксио, ошарпанный пулею в левую руку. До 11 часов утра цитадель стреляла картечью и ядрами; пришла колонна Миссори и заняла горы. Она состояла почти вся из отличных стрелков, потому неаполитанцы скоро бросили свои пушки и удалились в казармы. Сам командир их был смертельно ранен пулею в грудь, и через несколько времени белый флаг чвился над цитаделью.

Капитуляция была заключена на тех же условиях, как в Мелазцо: гарнизону позволено было выйти с оружием, но все военные запасы, собранные в цитадели, оставались нам. Эти условия могут казаться слишком снисходительными, но не следует забывать, что выигрыш времени очень важен для Гарибальди и какая-нибудь лишняя тысяча ружей или пленных не идет в сравнение с этою выгодой. Впрочем, мы взяли довольно добычи: восемь полевых орудий с лошадьми и всеми принадлежностями, шесть 32-фунтовых пушек, 18 крепостных пушек от 18 до 24-фунтового калибра, 2 пексановых десятидюймовых пушки, 500 ружей, множество каменного угля, амуниции, провианта и довольно много лошадей и мулов.

Взятие Реджо чрезвычайно важно для нас теперь. Мессина совершенно отрезана от сообщений, и пушки и цитадели окончательно дают нам господство над обоими берегами пролива. Для неаполитанцев тяжелее всего потеря каменного угля, депо которого было у них в Реджо. Флот их и Мессина снабжались всем из этой крепости, служившей ключом Сицилии.

По всей Калабрии и особенно в Реджо встречают нас с восторгом. Солдат наших принимают в каждом семействе, как друзей».

«Вилла Сан-Джованни, 25 августа.

События идут так быстро, что едва можно успеть передавать их хоть только в общих чертах. Вся калабрийская сторона пролива наша. Я уже писал вам, что вся оборонительная линия побережья сильнее с морской стороны, чем с земли. От Шиллы до Реджо тянется ряд маленьких фортов, имеющих по 15 и 20 пушек; из них только форт Punta di Pezzo стоит у самого берега, а все другие построены на первом уступе гор. Единственная дорога, годная для военных действий, идет вдоль берега, по которому выстроены также почти все здешние города и села. Над этой линией возвышаются в несколько уступов холмы, поднимающиеся к Аппенинскому хребту, идущему почти параллельно с проливом. Из этого очерка вы видите, что лишь только овладеть одним пунктом на берегу, можно будет взять в тыл всю оборонительную линию. Со стороны, обращенной к горам, форты укреплены плохо; а холмы, стоящие за ними, господствуют над ними. Поэтому обороняться против нападающего можно только с гор, идущих за фортами; да и тут надобно держаться на самых вершинах хребта, иначе позиция будет обойдена. Для неаполитанцев такая тактика была вдвойне трудна: горная местность самая удобная местность для нас,

и на ней не могли бы они устоять против нас; кроме того, по моему мнению, ни солдаты, ни офицеры неаполитанских войск не хотели упорно сражаться. Настоящей оборонительной своей линией они выбрали Монтелеоне и, кроме гарнизонов в фортах, имели две летучие колонны под командою генералов Мелендеса и Бриганти; колонна Мелендеса главным образом должна была защищать линию на север от Баньяры, а колонна Бриганти форты по берегу пролива. Каждая из них имела от 1 800 до 2 000 человек. Когда мы взяли Реджо, Бриганти занял позицию выше форта Punta di Pezzo, на равнине между дорогой и холмами. Если бы он нарочно хотел быть взятым в плен, он не мог бы выбрать лучшего положения: обогрешши горы у Сан-Джованни, наши стрелки могли перебить его отряд с высот и отрезать ему отступление. Его позиция была тем опаснее, что высоты были уже заняты войсками Козенца.

Гарibaldi вышел из Реджо со всеми своими силами и главною колонною занял линию холмов, господствующих над Сан-Джованни. Сан-Джованни, Аццарелло и Пеццо — три деревни очень длинные; они тянутся по морскому берегу, занимая и первый невысокий уступ гор. За ними поднимаются горы, покрытые садами. Воспользовавшись этою выгодою, наши подошли, не будучи замечены неприятелем, внимание которого было занято колонною, шедшею по берегу. Чтобы еще лучше обеспечить успех, генуэзские стрелки и две роты других стрелков заняли позицию, господствовавшую над линиею отступления. Когда эти приготовления были кончены, наши двинулись со всех сторон и, не открывая огня, стали на ружейный выстрел от неприятеля. Он открыл ружейный огонь и начал стрелять из четырех своих пушек. Наши не отвечали ни одним выстрелом; Гарibaldi строго приказал не стрелять: он хотел не разбить их, он хотел, чтобы они сдались. Неаполитанцы не могли обождать себя никакой надеждой, они были окружены со всех сторон. Сначала они, кажется, не понимали этого, потому что наш парламентар, посланный с белым флагом, был встречен выстрелами и убит пулею в голову. Но в два часа дня они поняли свое положение; наша безответность на их выстрелы способствовала тому. Явился парламентар с требованием перемирия и с наивным замечанием, что они ожидают инструкций от генерала Виале. Ему отвечали, что напрасно они ожидают от него инструкций, потому что он отступил от Баньяры к Монтелеоне, что они имели довольно времени обсудить свое положение и что если они не сдадутся безусловно к половине четвертого, то будут атакованы и сброшены в море. Отсрочку эту дали им потому, что ожидали отряда Биксио с пушками. Когда парламентар вернулся к ним, нам было видно, что они взволновались. Офицеры и солдаты их стали рассуждать с сильными жестикюляциями. Назначенный им срок прошел, но Гарibaldi все еще ждал, и около пяти часов вдруг поднялся у них крик: *Viva Garibaldi! viva l'Italia!* Парламентар явился объявить, что они сдаются. Гарibaldi сам сошел к ним и едва не был задушен, так они теснились обнимать его: солдаты, офицеры и сам генерал Бриганти фратернизировали с нашими. Радость их дошла до крайнего предела, когда им сказали, что кто желает, может идти домой. Они побросали оружие и стали расходиться толпами. Наши стрелки, занимавшие линию отступления, начали было стрелять по первой толпе их, не зная, чем кончилось дело, но были остановлены, дело уладилось, и к ночи летучая колонна рассеялась по всем направлениям, оставив нам 2 000 ружей, 4 полевых орудия и 10 тяжелых орудий в форте. Но важнее всего этого нравственное влияние капитуляции и 2 000 солдат, возвращающихся домой в восторге от Гарibaldi. Кроме того, мы овладели тут всем берегом пролива; в самом деле, теперь уже получено известие, что Флумарский форт и Шилла сдались.

Таким образом, мы, вероятно, не встретим сопротивления до Монтелеоне, а может быть, и дальше. Вчерашняя капитуляция показала дух неаполитанской армии в новом свете. Их отряд во всей своей массе покинул знамена.

Вся страна за нами, ближняя Калабрия и Базиликата восстали*, провозгласили Гарибальди диктатором и уже открыли сообщения с нашею главною квартирою».

«Баньяра, 26 августа.

Путру мы отдыхали с генералом Гарибальди и его штабом на террасе живописного дома, близ верхнего Фиумарского форта; наш завтрак состоял из хлеба и сыра, из превосходных фиг и винограда благодатной Калабрии. Вдруг показался вдали огромный паровой фрегат, шедший прямо на нас, как будто бы с дурными намерениями. Гарибальди тотчас велел зарядить пушки соседних фортов Фиумарского и Torre Cavallo, из которых еще не успели выбраться трусливые гарнизоны; он не спускал телескопа с фрегата; но фрегат, пролавировав часа два или три между Шиллою и Фаро, в нескольких милях от нас повернул назад; командир его, вероятно, остался в приятном убеждении, что исполнил свою обязанность. А по моему мнению, сходному с мнением всех хороших английских моряков, фрегат, подошедши на пушечный выстрел к этим фортам, разбил бы их несколькими залпами, потому что и сами по себе они не страшны, да и волонтеры наши, защищающие теперь их, не умеют стрелять из пушек. Но дело в том, что неаполитанский флот так же дезорганизован и деморализован, как неаполитанская армия. Офицеры и солдаты враждуют между собою и согласны только в том, чтобы не рисковать жизнью в войне, которой они не одобряют. Калабрийцы встречают Гарибальди с неопианной радостью, готовы броситься в огонь за него и за самого последнего из его спутников. Они беспомощны и запуганы до неспостижимости. Первобытность их понятий и обычаев доходит до изумительности; но натура в них хорошая, а искренность их расположения несомненна.

Мы выехали из Баньяры в пять часов утра, Гарибальди с своим штабом поехал вперед галопом, оставив далеко за собою авангард; он скакал в места, еще наполненные неприятелями, распушенными им по домам. Тут не было никакого риска: упавшие духом неаполитанцы рады, что им позволили бежать от негодования калабрийцев, которые соглашаются не мстить им за долгие притеснения. Благородство и великодушие калабрийцев выше всякой похвалы: жители не тронули ни одного из бегущих солдат.

От Баньяры до Пальми** три часа езды. Проскакав час, мы остановились, потом опять остановились в очаровательном лесу на холме, возвышающемся над Пальми. Боже мой, что за страна эта Калабрия! Какие очаровательные, величественные виды представляются на каждом шагу по этой дороге, идущей с холма на холм! Как чист воздух в эти часы свежего, но не холодного утра! Холмы, благословенные неисчислимым плодородием, покрыты зеленью до самых вершин. Мы проехали обширные оливковые леса, деревья которых выше, чем в лесах Генуэзской Ривьеры, на холмах Фраскати и Тиволи. Природное богатство этой земли безмерно; но торговли и промышленности нет в ней, так что она совершенно лишена денег».

*«Милето***, близ Монтелеоне, 27 августа.*

Мы ночевали в Пальми, встали вчера с рассветом и в четыре часа утра я был уже на седле. Через час выехал Гарибальди в коляске, запряженной парю хороших лошадей; всю свиту его составляли четыре всадника, двое из числа храбрейших офицеров его штаба, Трекки и Бордоне,

* Калабрийский полуостров разделяется на три провинции: южный конец его называется второю дальнею Калабриєю, средняя часть первую дальнею Калабриєю, а северная часть ближнюю Калабриєю, с южной граничит Базиликата, лежащая в глубине Отрантского залива.

** Пальми лежит к северу от Баньяры.

*** Милето — город, лежащий в первой дальней Калабрии, близ Монтелеоне, не должно смешивать с Мелито, где была произведена высадка.

Кальдези, отличный фотограф, служащий теперь майором также в его штабе, и ваш корреспондент. Вечером был слух, что в Монтелеоне находится еще до 11000 неаполитанского войска, авангард которого стоит в Милето. Милето лежит в шести часах пути от Пальмы, а Монтелеоне еще в двух часах пути за Милето. В сопровождении четырех человек, из которых только двое были порядочно вооружены, Гарibaldi отправился на рекогносцировку в коляске, не имея в запасе верховой лошади. Мы быстро ехали по пыльной дороге, спускаясь из Пальмы в богатую равнину Джои. Через три четверти часа мы встретили экипаж; сидевший в нем человек сказал несколько слов Гарibaldi; генерал обернулся к своим адъютантам и послал одного из них с приказанием бригаде Козенца идти вперед. Возвешши с другим адъютантом на холм, с которого далеко видны море и равнина, Гарibaldi целых два часа осматривал местность в телескоп. Мы оставались у подошвы холма: тут постепенно стали подъезжать к нам по одному, по два и по три разные офицеры штаба, приехали также генералы Козенца и Сиртори, так что через час набралось нас человек до 50. Мы составляли единственный авангард часа полтора, пока наконец бригада Козенца подошла к нам и двинулась дальше. Гарibaldi, сошедший с горы, поехал перед колонною до того места, где расходятся дороги в Милето и в Джою. Тут он оставил нас и поехал в Джою, а мы продолжали ехать по дороге в Милето, скоро перегнали бригаду Козенца, уехали на целый час пути вперед ее, и опять наше небольшое общество составило собою весь авангард. К 11 часам мы доехали до деревни Розарно, простояли тут самую знойную часть дня, в 5 часов вечера снова пустились дальше и к закату солнца приехали в Милето. Неаполитанцы только что за несколько минут перед нами вышли оттуда. Какой страх внушают беззащитному населению эти бандиты, можно заключить из того, что в Милето, имеющем до 3000 населения, оставалось не больше 40 человек, а все остальные бежали от неаполитанцев. Когда мы приехали, жители стали возвращаться. Действительно, они имели достаточную причину к страху: ужаснейшая трагедия была совершена на их глазах. 25 августа, около полудня, возмущился на главной площади Милето 15-й полк неаполитанской линейной пехоты; полк этот принадлежал к бригаде Бриганти, которая так низко бежала от сражения у виллы Сан-Джованни 23 августа. Генерал Бриганти, в штатском платье, сопровождаемый одним слугою, проезжал верхом через площадь, на которой стояли войска. Солдаты, как надобно думать, узнали его лишь тогда, как он миновал их. Он уже проехал площадь, они потеряли его из виду, но потом он вернулся с дороги на площадь и пошел к почтовой станции. Почему он вернулся, это неизвестно; но, вероятно, он увидел, что лошадь его устала и хотел взять почтовых лошадей со станции. Солдаты начали кричать, что он «изменник, продавший их по три карлина за человека», потом начали кричать: «да здравствует король!» Бриганти, ничего не отвечая им, ехал своею дорогою; вдруг два солдата выстрелили в него. Обе пули попали в лошадь; она прошла шатаясь несколько шагов, потом упала вместе с своим всадником. Когда генерал стал подниматься на ноги, в него было сделано еще выстрелов 50 или больше, наконец солдаты бросились на него со штыками и растерзали его. Когда они утопили свою кровожадность над трупом, он был вырван из их рук и отнесен в церковь для погребения; но проснувшаяся ярость каннибалов снова устремилась на жертву: солдаты рвали его волосы и бороду, выбивали пустинами его глаза, рвали своими зубами его уши. Мы не знаем, чему приписывать это убийство: озлоблению ли против человека, который, как мы теперь слышим, имел репутацию либерала, или просто порыву бессмысленной ярости, или надежде воспользоваться для грабежа города и деревень ужасом, какой будет наведен на жителей свирепым делом. Говорят, что при въезде в город генерал был предведомлен одним из своих офицеров о злом замысле солдат. Надобно заметить, что многие из офицеров еще сохраняли в это время команду; они молча смотрели на убийство или огра-

ничивались только просьбами, которых никто не слушал. Совершив убийство, солдаты удовлетворялись тем, что разграбили несколько табачных лавок и винных погребов. Потом они стали кричать: «по домам, по домам!» и рассеялись. Они жаловались, что Бриганти часто морил их голодом, иногда дня по три еряду.

Известие об этой трагедии пришло к нам по дороге в Милето, и мы слышали все новые разноречивые рассказы, по мере того, как приближались к городу. Но вчера вечером я постарался собрать достовернейшие сведения от горожан, бывших очевидцами кровавой сцены.

Этот пример свирепости должен принести делу Гарибальди больше пользы, чем получило бы оно от большой победы. Вражда между солдатами и офицерами неаполитанской армии уже и прежде отнимала у офицеров всякую надежду на сопротивление; но убийство генерала Бриганти наведет на них ужас. Едва ли кто из них захочет подвергаться двойной опасности — от неприятеля и от собственных солдат. Действительно, мы уже слышим, что генерал Внале, командовавший в Монтелеоне и думавший защищаться, отступил к Козенце, где думает подать в отставку и навсегда уехать в Англию. Ныне утром мы слышали, что из Монтелеоне прислано Гарибальди предложение о том, что неаполитанцы называют капитуляцией; говорят, что он поехал в Джою видеться с офицерами, присланными для переговоров. Эти так называемые капитуляции не более как шутка, потому что неаполитанцы вечно кончают тем, что разбегаются во все стороны. Они такие враги, которым не нужно и отрезывать отступление. Но все-таки вечерашние действия Гарибальди имеют в себе что-то загадочное, — нынешними событиями они, быть может, объяснятся. Мы прибыли в Милето, как я уже говорил, вчера вечером: прежде всех въехали в город офицеры главного штаба, потом Медичи с другими офицерами. Ныне на рассвете пришел сюда и авангард дивизии Козенца. И мы, а еще больше горожане, опасались за то, как пройдет ночь, потому что Монтелеоне всего лишь в двух часах пути от Милето, а неаполитанцы в числе 10 000 человек еще находились в Монтелеоне, как мы слышали. Поэтому все мы (человек 50) просидели ночь вместе на главной площади, имея подле себя свое оружие. Мы не ожидали нападения; но все-таки считали нужным соблюсти предосторожность. Приход нескольких сот наших солдат на рассвете окончательно успокоил город.

Здесьшний народ племя красивое, от природы бойкое и умное. Его вооружение беспредельно. Некоторые из жителей берутся за оружие с охотою и владеют им искусно. Священники почти все на нашей стороне, только Милетский епископ, получивший свое место дурными происками, скрылся. Милетская епархия дает своему епископу 24 000 дукатов (25 000 руб. сер.) дохода. Представьте же себе, что в одних континентальных землях Неаполитанского королевства считается 22 архиепископа и вдвое большее количество епископов».

«Монтелеоне, 12 часов дня.

Гарибальди славится быстрогою движением, но даже и он не может догнать неаполитанцев. Он прибыл в Милето в шесть часов утра и немедленно послал свою конную свиту в Монтелеоне. Расстояние тут всего шесть миль; но дорога идет в гору, и мы ехали часа два. Ни на дороге, ни в самом Монтелеоне не встретили мы никаких других следов неприятеля, кроме несчастных солдат, разбежавшихся из-под знамен и бродящих теперь повсюду. Они просят милостыню у жителей. Просили они милостыни и у нас, — мы давали им, потому что они действительно жалки. Карлино (11 коп. сер.), даваемый каждому из них на дневное содержание общинами, через которые они проходят, едва достаточен на покупку хлеба. Менее симпатии возбуждают неаполитанские офицеры разбежавшихся войск, бродящие около нашего лагеря в своих мундирах, гордящиеся ими перед нашими фланелевыми блузами и не видящие ничего постыдного в своем поведении,

в поведении людей, не думавших ни о присяге, ни о патриотизме, а заботившихся только о своей личной выгоде. В восемь часов утра ныне было еще 8 000 неаполитанцев в Монтелеоне. Генерал Виале, как я уже говорил, отказался от команды, услышав об убийстве Бриганти, и начальство над войсками принял генерал Гио. 3 000 человек из корпуса, бывшего в Монтелеоне, уже бросили свои знамена вчера вечером и ныне ночью, но у генерала Гио еще оставалось 8 000 человек с четырьмя горными орудиями и батареей полевых орудий, когда он вышел в Пиццо. В настоящую минуту находится он в Анчитоле. За Анчитолой в Филадельфии он встретит барона Стокко с калабрийскими инсургентами, которых собралось там, говорят, до 8 000 человек, из освободившихся округов Казендского и Катандарского. Неаполитанцы желают заключить капитуляцию для того, чтобы инсургенты пропустили их. Вообразите себе, что регулярное войско, имеющее кавалерию и артиллерию, не может пробиться сквозь толпы недисциплинированных и плохо вооруженных людей, которым не уступает по своему числу! Горожане уверяют меня, что на пути от Монтелеоне до Пиццо из дивизии Гио разошлась большая часть солдат, так что остались под знаменами только 2 000 человек. Неаполитанская армия тает как снег от широко, и Гарибальди не будет терять времени. Из Монтелеоне нам видно, что он собрал в Пиццо 12 пароходов. Вероятно, они назначены вести войска в Неаполь».

«Козенца, 31 августа.

Привилегированное положение журнального корреспондента, находящегося при штабе Гарибальди, вовсе не так легко, как могут полагать люди, живущие у себя дома. Сигнальная труба в три часа утра поднимает нас с постели, которую обыкновенно служит нам голая земля. Мы должны выезжать в четыре часа еще при звездах и месяце, но редко успеваем управиться с отъездом раньше пяти часов, когда уже всходит солнце. Офицеры у Гарибальди сами должны быть своими грумами, потому что солдаты, назначенные к ним в ординарцы, или в прислужники, еще не имеют лошадей и не могут успевать за ними. Сами офицеры должны чистить, кормить, поить, седлать и взнуздывать своих лошадей,— решительно все офицеры и генералы, кроме только одного Гарибальди, за лошадью которого, по доброй воле, с гордостью ухаживают двое из любимых его офицеров, Трекки и Паджи (вспомните, что Трекки человек богатый и знатный, бывший адъютантом у короля Виктора-Эмануэля). Фураж надобно носить для каждой лошади очень издалека, на водопой надобно бывает водить их иногда за целую милю. Кроме того, надобно осматривать, не требует ли починки сбруя, крепки ли подковы; кузнецов и шорников надобно отыскивать бог знает где. Во всем этом проходит много времени. Наконец садится в седло Гарибальди, выезжает, и тут бросаются все приготовительные хлопоты и каждый плетется за ним по мере возможности, потому что Гарибальди никого не ждет. Мы едем ранним утром часа три-четыре; часов в десять или одиннадцать останавливаемся на отдых в какой-нибудь деревне или в лесу, где долго приходится нам ждать нескольких кусков сухого хлеба и засохшего сыра и где часто не бывает ничего кроме бурьяна для наших лошадей; в три или четыре часа вечера мы опять двигаемся вперед; голодные, усталые, едем до сумерек, и тут на новом ночлеге напрягаем всю силу соображения, чтобы управиться как-нибудь с новыми трудностями и неудобствами. Жар и пыль ужасны, потому что лето было чрезвычайно знойно, как редко бывает, по словам жителей, даже в этой полутропической стране, и в последние три месяца не выпало ни капли дождя. Но иногда, в виде исключения, мы попадаем на княжеские квартиры, останавливаемся в доме какого-нибудь интенданта или знатного господина, в порядочном городе, и тут, покрытые дорожною пылью, ужинаем с шампанским, или имеем завтрак из роскошнейших блюд. У каждого из нас весь багаж в карманах или за седлом. У немногих из нас есть в запасе рубашка,

другим нет возможности переменить белья; а на большей части нет и вовсе никакого белья: красная фланелевая рубашка служит вместе и бельем и верхним платьем. Мои перчатки, единственные перчатки в целой свите Гарибальди, служат предметом бесчисленных сарказмов. Вода почти везде составляет чрезвычайную редкость. Редко кому из нас удается умыться; а ванна только предмет несбыточных мечтаний. Наши скудные запасы необходимых вещей, флажки с водкой, мешочки с табаком, имеют порочную склонность теряться, а мы имеем дар обходиться без всего, чего нельзя достать, забывать о надобности в вещах, теряемых нами, и переносить все с диогеновским самоотречением, хладнокровием и душевным веселием. Но не имеют этого дара наши терпеливые, умеренные в желаниях, но неразумные лошади, думающие, что не под силу им ехать по 25 или 30 миль в день по страшному зною, удушающей пыли, при слишком скудном фураже. Они бредут и молчат, но смотрят уныло, как существа погибшие, и готовы упасть на каждом шагу, от первого своего угренного шага до последнего вечернего. Моя бедная лошадь жестоко хромает; для спасения ее ног и своей шеи я должен сводить ее за повод по здешним длиннейшим спускам. У самого Гарибальди есть два отличных скакуна, но у нас у всех только по одному несчастному коню, который служит для своего всадника причиной бесконечных хлопот и досад. Но мы переносим все эти неприятности весело: вы не услышите ни одной жалобы, и наши беды составляют только отличнейшие темы для бесконечных шуток. Любопытное зрелище для вас представили бы наши почерневшие лица и щетинистые бороды, набитые пылью. Но мы едем и едем. Мы гонимся за неаполитанцами, не давая им опомниться.

Мы выехали из Рольяно ныне в четыре часа вечера и приехали к Козенцу после четырехчасовой езды*. Тут мы нашли все взрослое население ближайшей Калабрии, вооружившееся и сошедшее встречать нас. Все улицы города, ярко иллюминированные, были покрыты вооруженными толпами. Гарибальди с нами идет далеко впереди своего войска, и у него нет под рукою никаких сил, кроме этих инсургентов: судя по виду этих рослых, здоровых горцев, они могут заменить всякое войско. Правда, они вооружены только охотничьими ружьями, а многие только пиками или вилами и топорами, но огромное большинство их воодушевлено, повидимому, большим мужеством. Вам кажется, будто бы не осталось ни одного мужчины дома в этих местах, и каждый мужчина хороший воин. Да, восстает все калабрийское племя, которое всегда было для Бурбонов страшнее всего остального населения. И если бы вы посмотрели, с какою заботливою нежностью, не говоря уже о дикой радости, бешеном энтузиазме, встречают храбрые калабрийцы Гарибальди! И не к нему только бросаются они с восторгом, — они обнимают и целуют нас всех, наше платье, наших лошадей. Они готовы были бы сделать бог знает что, лишь бы как-нибудь услужить нам; они хлопочут о нас страшно, но проку нам из этого мало: они решительно не знают вещей, которых мы просим у них, и не знают, как исполнить наши желания. Один хватает повод моей лошади, передает его другому, третьему и т. д., и, наконец, я не знаю, где мне отыскать мою лошадь. Меня ведут в конюшню; нет, конюшня не тут, она в противоположной стороне; ведут меня туда, потом опять назад; но понемногу дело устраивается. Теперь надобно поместить меня самого на ночь. Меня рвут из рук в руки, и добряк, отбивший меня у других, ведет меня за полмили от штабной квартиры и от конюшни, где поставлена моя лошадь. Он готовит мне постель, которой я предпочитаю голый пол; предлагает мне чашку вина, чтобы выпить, и тоже только одну чашку воды, чтобы умыться; затворяет окно, отворяемую мною, уверяя, что я получу смертельную лихорадку от ночной росы; я не слушаю его предостережения, отворяю окно; он ждет

* Козенца, имеющая 12 000 жителей, главный город ближайшей Калабрии. Рольяно лежит в 18-ти верстах от нее на юг.

пока я усну, и запирает окно,— я скоро чувствую это по страшной духоте его грязной комнаты. Но ужин у него обилен; утром мне дают кофе; мой хозяин и жена его не спали всю ночь, прислушиваясь, хорошо ли мне спать».

«Козенца, 1 сентября.

Гарибальди выезжает отсюда в обыкновенное свое время, в 5 часов, и думает добраться ныне до Кастрозиллари, в 50-ти милях отсюда. Штаб его ожидал отдохнуть здесь, по крайней мере дня три, быть может целую неделю. Приказ итти вчеред поразил всех нас, потому что ни у одного из нас лошадь не могла уже пройти мили. Взяв с собою несколько человек в коляску, он уехал в 5 часов утра. Мы, — майор Кальдези, я и адъютант генерала Сиртори, — бродили по городу до 10 часов, отыскивая какого-нибудь экипажа. У адъютанта были важные делешки, потому мы, наконец, взяли карету и лошадей архиепископа и сию минуту уезжаем».

«Тарсия, час дня.

Гарибальди остановился в Тарсии*. Он приказывает своему штабу, под начальством полковника Паджи, итти легкими переходами впереди его колонны, а сам, с несколькими своими адъютантами, хочет ехать в Неаполь в почтовых экипажах. Планы его начинают несколько проясняться для меня. Доктор Бергани, недавно сделанный генералом, высадился с 4 000 человек новых волонтеров из Северной Италии в Паоле, ближайшей к Козенце гавани. Бергани виделся вчера с Гарибальди в Козенце. Гарибальди послал ныне утром генерал Тюрра в Паоло принять команду над прибывшими туда войсками, а самого Бергани взял к себе в коляску. Тюрр, посадив волонтеров Бергани опять на корабли, должен перевезти их морем в Сапри**, потому что королевские войска, как мы слышим, сосредоточиваются около Салерно. Вероятно, и почти все остальные наши силы будут отправлены морем и лишь небольшая часть войска пойдет сухим путем».

«Кастровиллари, 11 часов вечера.

Я чрезвычайно боялся, что отстану от Гарибальди, не найду средства ехать рядом с ним, при быстроте его поездки. Но я успел даже опередить его. В Тарсии он расстался почти со всеми офицерами своего штаба, взял с собою лишь Козенца, Сиртори, Трекки и несколько других. Мне не нашлось места в их экипаже, и я был предоставлен собственным средствам. К счастью, я встретился с полковником Пирдом, известным под именем гарибальдиевского англичанина***. Мы наняли ослон и, не останавливаясь ни на минуту, приехали в Кастровиллари даже несколько раньше Гарибальди, отдохавшего на дороге. В дворце интенданта мы превосходно поужинали с другими офицерами; но сам Гарибальди, под предлогом усталости, поспешил уклониться от церемоний».

*«Лагонегро **** 3 сентября, час ночи.*

Мы едем с такою поспешностью и такими неудобствами, что едва успеваем глядеть на великолепные пейзажи Южной Италии. Благодаря нашим друзьям, мы с полковником Пирдом едем на один или два часа впереди

* Деревня, верстах в 30 от Козенца на север.

** Сапри лежит близ Салерно, верстах в 80 от Неаполя.

*** Пирд — фамилия того замеченного англичанина, который находился при отряде Гарибальди в прошлой кампании и неотлучно следует за Гарибальди с самого начала сицилийского похода. Он не хочет принимать на себя никакой командь, остается простым волонтером, несмотря на свой полковнический чин. Пирд — один из лучших стрелков в целой Англии; и говорят, будто бы ни разу не делал от прываха во всех стачках прошлой и нынешней кампании.

**** В Базиликате, на границе Ближнего Принципато или Салернской провинции.

Гарибальди. От Кастровиллари дорога поднимается по извилистому, очень высокому дефиле, вершина которого служит границей между Ближнею Калабриєю и Базиликатю. Это дефиле, подобно многим другим по дороге, проеханной нами, почти неприступно; а единственная дорога из Южной Италии к Неаполю, — та приморская дорога, по которой ехали мы. Если бы хотя горсть людей стала защищать эти дефиле одно за другим, то на целые месяцы она остановила бы армию, очень сильную. Но неаполитанцы и не пытались задерживать нас. Мы находили все эти дефиле в руках вооруженного населения, которое повсюду встречало нас музыкою и торжественными криками. Поселяне говорили нам, что от 12 до 15 тысяч неаполитанцев находятся в Салерно, с сильным авангардом в Эболи*. Но они уверяли нас, что в Базиликате вооружилось не менее 30 000 человек и что в самой Салернской провинции восстание господствует до самой Салы**, где назначены временное правительство и продикатор. Заметьте, что Базиликатская провинция не ждала прибытия Гарибальди, чтобы восстать. В Кастровиллари было поднято трехцветное знамя в тот самый день, когда Миссори с 250 человек высадился в Баньяре, 19 августа. А накануне того произошла стычка между жителями Потенцы, столицы этой провинции, и стоявшими там конными жандармами; в стычке этой с обеих сторон было по несколько человек убитых и раненых, и кончилась она победою патриотов, которые немедленно занялись организацией всей провинции. Словом сказать, население Базиликаты решилось не отстать от калабрийцев и от албанских волонтеров Южной Италии, считаемых одним из самых мужественных племен в целом королевстве и в своем усердии обещавших Гарибальди, что «албанский батальон будет иметь славу первым вступить в Неаполь». Жители Базиликаты хотят оспаривать у них эту честь; а жители Салернской провинции, ближайšie соседи Неаполя, выказывают такое же усердие. Вообще образ действий неаполитанского народа изумляет нас. Правда и то, что довольно имеют они причин, возбуждающих мужество в них. С кем вы ни встретитесь, каждый расскажет вам какое-нибудь притеснение, жертвою которого был он или кто-нибудь из его друзей. Вот этот священник десять лет был в каторжной работе, а у этого молодого человека отец был изгнанником с самого 1848 года. Какая длинная Илиада преследований, изгнаний, наказаний, наглых обид, злоупотребления власти обнаруживается теперь!

От Реджо до Козенцы, от Козенцы до Лагонегро, по всей дороге мы встречали толпы жалких королевских солдат, расходящихся из-под своих знамен. Прискорбно и унижительно смотреть на них. Наш поход едва ли не первый случай в истории, когда победители шли рядом с побежденными, без всякого враждебного чувства, без всякого желания вредить и без всякой возможности помочь побежденным. Страшно смотреть на то, каким лишениям подвергаются рассеявшиеся неаполитанские солдаты; с каждым шагом растет их число и растет нужда, тяготеющая над ними. Мы на своем пути перегнали не менее 25 000 этих беглецов. Бросив ружья, они идут босые, почти нагие, — обувь и одежду они продали, чтобы купить себе хлеба; изнеможенные, голодные, тащатся они под знойным солнцем, падают от усталости отдохнуть где попало, не разбирая места, лежат в болотах, с которых не встанут они уже без лихорадки. Когда проезжаешь мимо них, они просят милостыни рыданиями или немим жестом, которым показывают лаццарони свой голод, — они подносят пальцы ко рту. Они обращаются с просьбами к синдикам и другим городским и сельским начальствам по дороге; но от одного города или села до другого здесь часто бывает целых десять или пятнадцать миль, да и средства, из которых сначала давалась им помощь селами и городами, теперь истощены, и поневоле должны начальства отказывать этим несчастным. Гарибальди должен продовольст-

* Верстах в 30 на юг от Салерно.

** Верстах в 60 на юг от Эболи.

водить свое войско, да и невозможно было бы ему ничего сделать для этих жалких людей, потому что они разбрелись по дороге на огромное пространство. Секретарь его дает пиастр каждому из них, который подходит к его коляске. Но эта помощь — капля воды, бросаемая в огромный пожар. Нет сомнения, что множество из этих людей погибнут. Но кротость южно-итальянского характера видна в их судьбе. Стали ли бы так терпеливо ждать голодной смерти дезертиры какой-нибудь другой армии, например хоть английской? — они стали бы грабить; а я до сих пор не слышал ни об одном насилии, совершенном этими несчастными людьми, не слышал также, чтоб и жители встретили сурово хотя одного из них. Им помогают, сколько могут, но не в силах помочь, и они должны погибать. В Кастельнуччио мы вдруг увидели себя среди множества вооруженных королевских солдат; все узкие улицы городка были загромождены их лошадьми и пушками. Это была бригада генерала Кальдарелли, сдавшаяся в Козенце восставшим жителям и получившая от них дозволение отступить к Салерно со всеми военными почестями. По условиям капитуляции был определен их маршрут, назначено, когда они должны притти в какой город. Но если б они соблюдали назначенные сроки марша, они были бы уже в Салерно. Здесь их осталось под знаменами только полторы тысячи человек. Кастельнуччио, небольшой городок, едва ли имеющий 300 человек национальной гвардии: она, конечно, не могла бы бороться с этим хорошо вооруженным отрядом. Нас испугала мысль, что через час станет проезжать через этот город Гарибальди, имея при себе всего только восемь человек спутников, что ему надобно будет переменять здесь лошадей, что он будет во власти людей, которые несколько дней тому назад еще хотели сражаться с ним. Наши опасения увеличились, когда неаполитанские офицеры стали подходить к нам и от своего имени и от имени своего генерала стали спрашивать, когда приедет сюда Гарибальди. Некоторые из горожан уверяли нас, что Кальдарелли ужаснейший реакционер и что двое из его офицеров потихоньку заряжают пистолеты. Убийство Гарибальди изменило бы теперь всю судьбу Италии, а убийца получил бы щедрые награды. В беспокойстве, мы послали, одного за другим, двух конных людей уведомить генерала Козенца о положении дел в Кастельнуччио и о наших опасениях. Мы шептали национальным гвардейцам, чтобы они были как можно внимательнее и отважнее, выехали из города и, приехав в Лаврию, послали в Кастельнуччио 300 человек вооруженных жителей на подкрепление национальной гвардии. До десяти часов вечера мы ждали в Лаврии известий и с радостью услышали, что Гарибальди остановился в Ротонде, не доезжая до Кастельнуччио. Из Ротонды он послал Трекки и другого офицера к Кальдарелли спросить, по каким причинам нарушил он капитуляцию и отстал от своего маршрута целыми тремя днями. Он приказывал Кальдарелли немедленно итти в Лаврию и Лагонегро. Кальдарелли оправдывал свое промедление недостатком провизии и усталостью своих солдат; с тем вместе он выразил желание передать на службу Гарибальди свою бригаду, которую описывал как войско, еще сохранившее организацию; он уверял, что сам он и его офицеры патриоты в душе и желают сражаться за национальное дело. Ответ свой он заключал тем, что тотчас же исполнит приказ Гарибальди о немедленном выступлении, и подписался так: «верный подданный Виктор-Эммануэля и Гарибальди». Успокоенные этими известиями и прибытием колонны Кальдарелли в Лаврию, мы поехали из Лаврии дальше в Лагонегро».

«Лагонегро, 5 сентября, 9 часов утра.

Трекки с своими товарищами прибыл сюда. Гарибальди выехал из Ротонды и едет сюда по горным дорогам, чтобы миновать встречи с бригадою Кальдарелли, которая стоит здесь. Генерал Тюрр, высадившийся вчера в Сапри с 2 500 человек, будет здесь через несколько часов. Гарибальди,

кажется, не совсем верит Кальдарелли и его войскам, но хочет, чтобы они шли в авангарде, чтобы видеть, как они будут себя держать перед неприятелем».

«Аулетта», 4 сентября.

Мы приехали сюда вчера из Лагонерро на почтовых. Нас очень забавляло, как принимают за Гарибальди полковника Пирда по его длинной бороде и калабрийской шляпе. Напрасно старается он устранить восторженные встречи, объясняя, кто он. Народ говорит, что Гарибальди едет инкогнито, но что они узнают его по его портретам. Полковник должен покоряться и принимать почести. Но известие о действительном прибытии Гарибальди на аванпосты, конечно, еще более усилит энтузиазм народа, отовсюду сходящегося сюда с оружием, и смятение в королевских войсках. Они уже отступили из Эболи и толпятся вокруг Салерно; они упали духом, и дисциплина между ними исчезает. Говорят, что ими командуют Боско и Пианелли».

«Неаполь, 7 сентября.

Высадившись близ Реджо, Гарибальди тогда же объявил, что он будет присутствовать в Неаполе на празднике *Piè di Groita*, 8 сентября. Слыша это, мудрые люди пожимали плечами; одно уже расстояние между Реджо и Неаполем доказывало пустоту такого хвастовства. А между тем вот мы, офицеры свиты Гарибальди, едущие впереди него, уже приехали в Неаполь накануне 8 сентября, и сам Гарибальди, по всей вероятности, будет здесь ныне же, а завтра действительно займет место в полурелигиозной, полувосенной церемонии праздника.

Мы с полковником Пирдом, как предшественники Гарибальди, заняли Салерно вчера в четыре часа утра. В Салерно, как и прежде в Эболи, мы взяли в свою власть телеграф и ускорили неизбежную катастрофу — сообщением неаполитанскому двору известий о приближении Гарибальди, сообщением Гарибальди известий о положении неприятеля.

Услышав, что 12-тысячный корпус королевских войск стоит в Ночере, в 8 милях к северу от Салерно, мы поехали в Ла-Каву, находящуюся между Салерно и Ночерою; два батальона, составлявшие неаполитанский авангард, только что вышли из Ла-Кавы. Мы приехали туда в коляске маркиза Агенольфи, патриота и одного из здешних вельмож. Появление полковника Пирда произвело свой обыкновенный эффект. Напрасно мы убеждали народ, что полковник Пирд не Гарибальди: народ не хотел ничего слушать, говорил, что понимает причины, по которым он хочет сохранить инкогнито, обещал «хранить тайну» и предавался восторгу. Если судить о чувствах по его крику, то Гарибальди избавляет страну, достойную избавления. Радость, выказываемую массами в Ла-Каве, как и в Салерно, как и во всех городах и селах между Реджо и Неаполем, нельзя назвать иначе, как восторгом, доходящим до помешательства.

Остановившись в Ла-Каве, мы узнали, что 12-тысячный корпус, стоявший в Ночере, готовится отступить снова, что иностранные войска отказываются сражаться, что в столице все так же распалось, как и в провинциях. С этими известиями мы поехали назад в Салерно и в шестом часу вечера присоединились к длинному ряду экипажей, двигавшихся навстречу Гарибальди. Он выехал из Аулетты ныне утром, остановился в Эболи и, узнав там о положении дел из телеграмм, присланных нами и генералом Траполли, прибывшим в Салерно через несколько часов после нас, отправился в Салерно. Вместе с ним мы приехали в Салерно среди тучи пыли, которая может подниматься только в Южной Италии после четырехмесячной засухи, и кое-как пробрались в интендантский дворец через восторженную толпу, которой не могла удержать национальная гвардия. Посмотрев на эту бурную

* Аулетта лежит верстах в 80 на юг от Салерно.

стену, мы опять выехали из Салерно в Ла-Каву, думая доехать до Неаполя в тот же вечер. Но потом мы рассудили отдохнуть несколько часов и приехали в столицу ныне с первым утренним поездом железной дороги*. Ход дел ускорился с прогрессивной быстротой: в первые дни неаполитанской кампании Гарибальди и его офицеры шли пешком; потом ехали верхом, когда добыли себе верховых лошадей; измучив их, поехали в частных экипажах, потом поехали еще скорее на почтовых лошадях, а конец пути проехали в вагонах.

На каждой из многочисленных станций железной дороги мы находили толпы убитых духом дезертиров. Мы видели их, сотнями и тысячами покидающих громадные казармы и форты, которые непрерывною линиею тянутся по благодатной долине Кампании. Король уехал из столицы в четыре часа вечера на испанском фрегате в Гаэту, приказав армии идти туда. Солдаты идут по мере сил и желаний; но они совершенно расстроены и едва ли дойдут до Гаэты хотя в таком числе и в таком духе, чтобы могли защищаться даже за стенами этой крепости. А между тем все посты в столице еще заняты попрежнему солдатами. Но национальная гвардия господствует в городе и приняла на себя охранение порядка. Столица начинает оживать и действовать. Экипажи, наполненные молодыми людьми, держащими трехцветные итальянские знамена с савойским крестом, скачут по Толедской улице среди оглушительных криков: viva Garibaldi! Комитет «Порядка», состоящий из умеренных патриотов высших сословий, послал депутацию из 80 почетных лиц в Салерно с приглашением Гарибальди вступить в столицу, а Комитет «Действия» и «Единства», состоящий из революционеров, давно уже старается склонить диктатора на свою сторону. И здесь, как в Сицилии, население разделено на две враждебные партии: одну составляют приверженцы немедленного присоединения, люди склонные к уступкам; другую — приверженцы полного единства, пренебрегающие всеми дипломатическими соображениями, стремящиеся соединить всю Италию исключительно силою народного движения, не останавливающиеся тем, что план их может довести до войны с французами в Риме и с австрийцами в Венеции. Представителем первой партии в Сицилии был Ла-Фарина, глава ее Кавур, а в Неаполе предводителями ее служат неаполитанские изгнанники, проникнутые так называемыми пьемонтскими идеями и приехавшие сюда из Турина и Флоренции: д'Айола, Пизанелли, Беллетти, Белла, Спавента, Леопарди и другие. Вторая партия называется своим главою доктором Бертани, снаряжавшего экспедиции, а предводители ее в Неаполе — Риччарди, Агрести, Либертини и другие менее известные лица демократического, если не республиканского направления; теперь они отказываются от товарищества с Маццини, но прежде принадлежали к его обществу, да и ныне в значительной степени разделяют его идеи.

Обе эти партии говорят, что имеют одну цель — соединение или единство Италии под властью Виктора-Эммануэля Савойского. Но умеренные хотят идти к этой цели постепенно, теми способами, какие кажутся возможными для них. Как они по вступлении Гарибальди в Палермо советовали немедленно присоединить Сицилию к Северно-Итальянскому королевству, так теперь, по освобождении Неаполя, они думают, что надобно немедленно присоединить весь юг к Северному королевству. Революционеры, напротив того, хотя и действуют именем Виктора-Эммануэля и хотят короновать его государем всего полуострова, но считают нужным удержать завоеванные ими провинции под управлением избранных ими диктаторов или продиктаторов до той поры, когда вся итальянская территория станет совершенно свободна и представителем всей нации, собравшись в естественной, вечной столице Италии, Риме, приступят к коронации государя, выбранного всеобщим согласием.

Теоретические воззрения, в которых расходятся эти партии, в сущности подчинены особым понятиям каждой из них о том, что возможно и осу-

* Железная дорога идет от Неаполя до Визэри, небольшого города, лежащего подле Салерно.

щество; но к различию понятий примешиваются страсти и предрассудки, личные интересы и честолюбие, так что они возводят одна на другую горькие обвинения. Бертани и его друзья революционеры, ободренные удивительным успехом Гарибальди, упрекают Кавура и его кабинет в недоверии к счастью и к талантам этого полководца; винят министерство Кавура в том, что оно помешало задуманному Гарибальди нападению на Мархию и Умбрию в прошедшую осень, — помешало этому вторжению, которое освободило бы южную Италию еще в прошлом году; они винят Кавура за то, что он не помогал Гарибальди при высадке в Сицилию, не помогал и во все время его похода, столь счастливо кончившегося теперь; они уверены, что успех, сопровождавший Гарибальди до сих пор, так же неизменно будет сопровождать его в борьбе с Ламорисьером и даже с Австриею или Франциею, хотя бы Австрия и Франция соединили свои силы. Они утверждают, что итальянская нация может достичь своей цели — освободить Рим и Венецию, несмотря на сопротивление всех европейских держав, думая, что сопротивление всех держав будет слабо, потому что симпатия Европы на стороне итальянцев, благодаря справедливости итальянского дела и гению Гарибальди. Бертани и его друзья владеют сердцем Гарибальди, — это факт, который напрасно было бы отрицать. Они почти исключительно окружают Гарибальди, поддерживают в нем чувство неудовольствия на Кавура, напоминают ему о том, как бездушно пожертвовал сардинский министр родину Гарибальди, Ниццею, с какою неуместной резкостью он оскорбил Гарибальди в туринском парламенте; они говорят об ошибках пьемонтского правительства, которое могло бы сделать так много и сделало так мало для сицилийской экспедиции, и говорят, что они преданы исключительно одному только королю и не хотят иметь никаких сношений с его нынешними советниками.

Разумеется само собою, в чем состоят возражения умеренной партии. Она говорит, что, уступая Ниццу, Кавур действовал по требованию необходимости, которому уступали все рассудительные патриоты; что он тайно помогал сицилийской и калабрийской экспедициям всеми средствами, какие дозволялись ему международным правом; что помощи более сильной он не мог оказывать, не подвергаясь войне с Австриею, а быть может, и с Франциею, — войне, к которой Италия не была готова; что присоединение Неаполя к северной Италии, если только может оно совершиться с согласия Европы, более или менее неблагоприятной ему, должно в настоящую минуту удовлетворить патриотов, потому что оно даст стране время организоваться, откроет ей возможность впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, объявить свои права на Рим и на Венецию.

Долгое и тесное знакомство мое почти со всеми офицерами Гарибальди убеждает меня, что все они разделяют понятия крайней партии, не допускающей уступок; я не имею сомнения и в том, что их принципы, в сущности, приняты самим Гарибальди. Вчера были посланы навстречу ему два депутата от Комитета «Порядка»; эти депутаты, доктор Томмази и профессор Пивиа, личные друзья Гарибальди, встретили его в Аулетте и провожали его в Эболи и Салерно. Им было поручено умолять диктатора именем умеренной партии, чтобы он немедленно присоединил Неаполь и Сицилию к Северно-Итальянскому королевству. Гарибальди принял депутатов с обыкновенною своею деликатностью и приветливостью, но изложил им намерения, нимало не согласные с мыслями их партии. Он выразил полную уверенность в совершенном успехе всего своего плана; он сказал, что сам Наполеон не в силах бороться с Италиею и с непопулярностью, которую подняло против него во Франции сопротивление итальянскому делу; он говорил о графе Кавуре в резких выражениях, так что видно было, как проникал он понятиями доктора (ныне генерала) Бертани. Томмази и Пивиа возвратились очень унылые.

Не одними отвлеченными принципами возбуждаются громкие жалобы умеренной партии. В континентальных провинциях, как и в Сицилии, про-

диктаторами и другими правителями назначены и назначаются люди, о которых умеренная партия говорит очень дурно. По ее словам, Гарибальди, не зная людей, выбирает все только креатур Бертани, и страна попадает во власть лиц, не имеющих ни способностей, ни хорошей репутации. Умеренная партия жалуется, что в этой революции «всплывает наверх дурная пена» (как будто революция может обойтись без того), и предсказывает, что временное правительство не облегчит, а лишь увеличит анархию, которая составляла самую дурную черту павшего правительства.

Я только излагаю вам положение и мысли партий, решительно не принимая на себя смелости судить о том, которая из них ошибается. Я полагаю, что их несогласия окажутся гораздо менее важными, нежели как представляется той и другой из них, и что ни та, ни другая не может так повредить делу, как говорят ее противники. Доверие всей нации к Виктору-Эммануэлю и к Гарибальди не колеблется и не поколеблется; и если бы Виктора-Эммануэля убедили немедленно приехать в Неаполь, без графа Кавура, или взять в свои советники по неаполитанским делам Ратацци и других людей оппозиционной партии, вражда которых с Кавуром началась недавно и, быть может, не непримирима, то я уверен, что события могли бы идти, не производя безвозвратной ссоры между честными патриотами разных партий».

«Час дня.

Гарибальди приехал из Салерно по железной дороге. Город кипит бешеным восторгом».

«8 сентября, утро.

Город отдыхает после ночи, проведенной в политическом карнавале*. Королевские войска в сущности еще владеют городом. Четыре батальона стрелков еще стоят в своих казармах; форты Сан-Эльмо, Нуово, дель-Кармине и дель-Уово еще заняты гарнизонами, поставленными в них королем. Гарибальди правит только силою своего имени, имея защитниками лишь несколько человек своих штабных офицеров и национальную гвардию. Но вчера вечером совершилось великое торжество. Весь неаполитанский флот (кроме одного фрегата «Партенопа») стоит в гавани; он поднял итальянский флаг и отдался под команду адмирала Персано, уже несколько дней находящегося в неаполитанской гавани с тремя сардинскими фрегатами. Не сомневаются, что скоро последует этому примеру и «Партенопа», которая ушла отсюда чинить свою машину. Говорят, что моряки проникнуты превосходным духом. Таким образом, все успокоилось за судьбу флота, который король хотел послать в Триест, чтобы отдать его австрийцам».

«12 часов дня.

Гарибальди успел назначить правительство для Неаполитанского королевства. Комитеты «Порядка» и «Действия» или по крайней мере некоторые члены их с одобрения диктатора назначили общую временную комиссию для охранения общественного спокойствия. Она состояла из семи членов; трое (Риччарди, Либертини и Агрести) принадлежали к крайней партии; трое (Колонна, Караччолли и Пиццинелли) к умеренной; седьмой член, Конфорти, считается человеком нейтральным. Эти семь человек, видевшись с Гарибальди, приняли на себя имя и власть временного правительства и издали декрет, назначавший Гарибальди диктатором Неаполитанского королевства. Раздраженный этою нелепою претензиею, Гарибальди велел арестовать их, но скоро потом освободил как людей, не ведавших, что творят, и поручил генералу Козенцу составить министерство».

* Мы пропускаем описание народного торжества.

В дополнение к этому рассказу, приведем теперь из писем другого корреспондента «Times'a» очерк положения дел в столице в последние дни перед прибытием туда Гарибальди.

«Неаполь, 3 сентября.

Приближается последняя сцена последнего акта. Скипетр, видимо, выпадает из рук Франциска II и через несколько дней, быть может через несколько часов, он перестанет царствовать. Положение дел таково, что при Франциске невозможно стало никакое управление. Выгода от сохранения нынешнего министерства та, что переход будет спокоен. Генерал Кутрофиано прислал министрам свою отставку, выражая надежду, что теперь они возьмут назад свою отставку. Национальная гвардия прислала к ним новую депутацию с объяснением, что если они не останутся в своих должностях, то в Неаполе произойдет восстание. Но министры нашли, что сохранять власть было бы несовместно с их репутациею, и снова просили письменным образом об отставке. «Нас называют изменниками, говорили они: мы имеем против себя войско и не пользуемся доверием государя. Правда, что нас поддерживает национальная гвардия и народ, что мы скорее министры их, нежели короля; но это не согласно с принципами конституции, и потому мы настоятельно просим ваше величество избрать переходное министерство. Притом же мы не хотим вести войну против Гарибальди и его приверженцев, потому что она была бы совершенно бесполезна». Таким образом Франциску II остается только или уехать, или видеть восстание. В воскресенье поутру (2 сентября) министры собрались в зале совета и ждали какого-нибудь решения от короля, но ничего не дождалось. Через несколько часов король пригласил к себе де-Мартино и просил его составить новое министерство. Но де-Мартино отказался, и король с огорчением вскричал: «Итак, все меня покидают!» В таком положении остались дела 2-го числа вечером. Ясно, что министры, сохраняя власть, не надеются и не думают делать ничего, кроме того как поддерживать порядок до прибытия Гарибальди. Для них, как и для всех в Неаполе, очевидно, что дело кончено; что единственная услуга, какую могут оказать они теперь отечеству, состоит в том, чтобы по возможности облегчить переход. Город полагает, что министерский кризис прекратился; поэтому в субботу и в воскресенье улицы были иллюминированы и стены покрыты афишами, оканчивающимися восклицанием: «да здравствует Гарибальди!» «да здравствует Романо!». Невозможно без жалости смотреть на положение Франциска II. Родственники и придворные, погубившие его своими советами, изменили ему, и он теперь сидит во дворце один. А под окнами дворца толпы с радостью читают депеши из лагеря его неприятеля, быстро приближающегося; а близ дворца стоит дом посланника короля, который, называя его «любезным братом», делал все, что мог, чтобы лишить его престола».

«4 сентября.

Всю ночь с воскресенья на понедельник (со 2 на 3 сентября) шлюпки перевозили на испанские корабли королевское имущество: но король все еще держится мысли стать во главе армии, хотя оборона — вещь уже невозможная. Войска сосредоточиваются в столице; стены Castello del Carmine укрепляются мешками с песком. Графы Трани и Трапани, братья короля, и князь Искителла, командир национальной гвардии, подали в отставку, но король не принял их просьб. Он вчера хотел призвать в столицу из провинций не только войска, но и жандармские отряды; министры отказались контрасигнировать эти распоряжения. Неаполитанский флот объявил, что не пойдет из здешней гавани. Эта решимость была вынуждена у моряков намерением короля отдать свой флот Австрии».

«Неаполь, 5 сентября.

Семимильные сапоги, вероятно, опять вошли в моду, и у Гарибальди должна быть пара таких сапог. Несколько дней тому назад он был в Фаро, а по последним известиям находится уже близ Салерно. Его поход был непрерывною триумфальною процессиею. Война не представляла ему на неаполитанском континенте суровых своих сторон; его повсюду встречали с цветами и с слезами радости. Самый непоколебимый реакционер, кажется, бросит свою шпагу при виде его. Постоянно приходят все новые войска в столицу, и народ боится, что они станут сражаться или грабить, или вместе сражаться и грабить. Действительно, сражение послужило бы для них только предлогом к грабежу, а к серьезной битве они не способны. Вчера утром какой-то генерал, кажется Пианелли, был у короля и объяснил ему, что он не может рассчитывать на свои войска. Если это Пианелли, то надобно сказать, что он целый год говорил королю о ненадежном состоянии войск. Национальная гвардия обращалась к его величеству с просьбою, чтобы он принес последнюю жертву — уехал из столицы. Третьего дня вечером король решил съехать немедленно, но в полночь отложил свою поездку.

Бригады Боско и фон-Михеля получили приказание отступить из Салерно, который теперь открыт для неприятеля. Теперь обороняться можно было бы только в самой столице; но я не ожидаю битвы. Напротив, я жду, что вступление Гарибальди будет праздником».

«Неаполь, 6 сентября.

Король, о котором уже несколько дней говорят ежеминутно, что он уезжает, все еще не уехал. Ему тяжело расстаться с дворцом своих предков. Предлогом для отсрочки служит теперь нездоровье королевы; но отъезд его неизбежен, и когда я буду отправлять к вам это письмо, Франциска уже не будет в столице. Его генералы имели у него аудиенцию вчера утром и прямо сказали ему то же, что накануне говорили адмиралы и флотские офицеры; они сказали ему, что его величество не может уже рассчитывать на свои войска. Услышав это, король послал за командирами национальной гвардии и говорил с ними в таких выражениях, что некоторые из них были тронуты до слез. Но я должен напомнить вам, что неаполитанцу не трудно быть растроганным до слез. Король благодарил национальную гвардию за ее образ действий, сказал, что он велел войскам не наносить вреда столице, сказал: «ваш и наш дон Пеппино уже у ворот Неаполя», и объявил, что удаляется по условию, заключенному с дипломатами. Если б он удержался от своей шутки о доне Пеппино, его речь произвела бы больше впечатления. Министры предлагали учредить регентство, но король не согласился; он оставляет верховную власть в руках государственного совета и приказывает министрам не уезжать из Неаполя. Король через посредство министров потребовал, чтобы государственное казначейство передало в Газетскую военную кассу 220 000 дукатов и в Капуанскую военную кассу 40 000 дукатов на содержание войск. Едва ли он получит эти деньги; едва ли останется у него и войско, на содержание которого он требует их.

Вчера уехал из Неаполя генерал Пианелли, обвиняемый королем в предательстве, но оставивший по себе в общем мнении безупречную репутацию верности королю, конституции и народу. В продолжение нескольких месяцев он честно говорил королю о дурном состоянии войска, о деморализующем влиянии системы, столь долго господствовавшей в Неаполе; и если войско не защищает короля в минуту опасности, винить в том надобно не измену Пианелли, а дурные советы Нунцианте и других, которых слушался король. Пианелли принял звание военного министра с тем условием, чтобы иметь полную власть над войском, но не дальше как через несколько часов он увидел, что двор распоряжается войском мимо его, что родственники короля посылают солдат по улицам Неаполя для возбуждения реакции. Дело короля было погублено самим королем и его друзьями.

С самого утра все ждали отъезда короля. Толпы стояли вокруг дворца и около арсенала, смотря на приготовления к отъезду. Вдруг я услышал женские крики и мольбы. Я бросился к окну своей комнаты и увидел толпу простолыдинок, теснившихся в соседнюю церковь. — Что это такое? «Мадонна, спаси короля!» повторяли они с рыданиями. «Мадонна Санта-Лучианская плачет; крупные капли слез катятся по ее лицу. — Мадонна, спаси короля!» Вся площадь волновалась, и рассказ о плачущей Мадонне мог бы произвести мятеж; но войска и национальная гвардия скоро пришли на площадь и восстановили порядок, отчасти силой, отчасти убеждениями. Рассказ о чудном плаче был придуман моим соседом, главным священником Санта-Лучианской церкви. Увидев, что его хитрость открыта, он сел в карету и хотел уехать, но был арестован. В полдень город узнал, что король положительно уезжает ныне вечером. Министры явились проститься с его величеством; испанский пароход давно уже развел пары, и перед наступлением ночи последний из Бурбонов простился со своею столицею».

(Тут корреспондент «Times'a» сообщает прокламацию и протест, обнародованные Франциском II при его отъезде. Документы эти были переведены в наших газетах. В то же время префект полиции издал прокламацию, в которой советовал народу сохранить тишину до прибытия Гарибальди. Но, замечает корреспондент, увещания эти были излишни.)

«Народ держит себя так, что, кажется, не нужно было бы никаких предосторожностей. Город совершенно спокоен, и единственный шум, какой слышу я — песни рыбаков из предместья Санта-Лучии, проходящих мимо моего окна. Я решительно не знаю, чему надобно больше удивляться: быструму ли торжеству Гарибальди, или совершенному спокойствию и тишине народа. Король выехал ныне из столицы, а в городе не заметно ничего особенного: театры открыты, у дворцовых ворот стоят часовые и каждый занимается своим обыкновенным делом. Я был ныне вечером на Толедской улице и смотрел, как идут из города войска. Народ стоял по обе стороны улицы, но не было произнесено ни одного оскорбительного слова, не было сделано никем движения, от которого мог бы нарушиться порядок. Чем объясняется такое чудо?»

Слава Гарибальди, бывшая великою и во отдалении, принимает гигантские размеры по мере его приближения к Неаполю. Несколько дней тому назад он был в Фаро, вечером 5 числа прибыл в Эрколе; ныне утром, 6 сентября, он прибыл в Салерно почти только с одним адъютантом, въехал в дом интенданта и вышел на балкон с пьемонтским флагом в руке к народу, восторженно встретившему его. Он обедал в Ла-Каве, и я оставляю его там до следующего утра. Замечу вам только одно об этом необыкновенном человеке, умеющем одушевлять всех своих спутников энергиею, которою проникнут сам: три дня сряду проходил он по 40 миль (65 верст) в день с войсками, которые получали только хлеб с небольшим количеством вина. Несмотря на это, армия его находится в хорошем состоянии, по словам английских офицеров, приехавших из нее. Салерно, разумеется, очищен королевскими войсками, отступившими в Ночеру. Иностранные войска дерутся между собою. Дано приказание сосредоточить все их в Капуе и Гаэте. Но я полагаю, что и они скоро объявят, что переходят к Виктору-Эммануэлю».

«7 сентября.

Гарибальди у нас в Неаполе, — гораздо раньше, чем мы ждали. Он шел несколько дней сряду по 45 миль в день, как сказал мне ныне один из его спутников. Вчера он прибыл в Салерно и, разумеется, был встречен блиста-

тельнейшим образом. «Быть может, он придет сюда к празднику *Pie di Grotta* (8 сентября)», говорили некоторые; но я был удивлен, когда один из моих друзей поутру сказал мне, что он будет здесь через час. Нечего было терять времени, и мы поехали на железную дорогу. Народу на улицах было мало, на станции не было никаких приготовлений к встрече; я думал, что мы ошиблись, но вовсе нет. Национальная гвардия становилась у всех дверей на станции, быстро являлись флаги. Комнаты были наполнены важнейшими людьми либеральной партии Неаполя. Тут были все члены комитета, столько месяцев издававшего свои таинственные приказания; новый командир национальной гвардии Айала, историк Леопарди. Множество англичан, в том числе лорд Льяновер, и несколько дам, — дам было мало, потому что все еще ожидали каких-нибудь беспорядков на улицах. Я стоял подле священника, бывшего президентом временного правительства в Лече и рассказывавшего множество анекдотов о Гарибальди, которого он хорошо знал в Риме. Но что же замедлил диктатор? Уже половина одиннадцатого, а его все еще нет. Наконец звонит колокольчик, приближается поезд, поднимаются оглушительный крик «viva», — но нет, это не герой: поезд привез баварских солдат, перешедших на сторону победителя. Наконец бьет 12 часов, опять звонит колокольчик, и издали подается сигнал, что едет Гарибальди. «Viva Garibaldi!» кричат тысячи голосов, и поезд останавливается. Выходят несколько человек в красных блузах, их схватывают, обнимают, целуют с беспощадностью, которой отличается итальянская горячность. Был тут господин пожилых лет, которого по бороде приняли за Гарибальди и обнимали так, что не знаю, остался ли он в живых. Но сам Гарибальди обошел кругом, через другую дверь, и когда заметили это, бросились ловить его. Мы объехали кругом по переулкам к церкви *Santa-Maria del Carmine* и, благодаря этой ловкой мысли, выехали навстречу диктатору. Я узнал его с первого взгляда, по величю и прямодушью, выражающемуся на его лице, и был поражен его спокойным самообладанием и необычайною мягкостью его улыбки. Он ехал в наемном экипаже. Окруженный тысячами народа, оглушаемый его криками, он проехал мимо королевского дворца, лишь за несколько часов перед тем покинутого Франциском, и остановился во дворце, назначенном для приема иностранных государей. Толпа взволновалась и требовала, чтобы Гарибальди вышел к ней. На балконе явилась одна красная блуза, потом другая, наконец Гарибальди. Какой крик поднялся тут! Говорить было невозможно. Гарибальди облокотился на решетку и внимательно смотрел на толпу, наконец стал делать рукою знаки, что хочет говорить. Долго народ не мог удержаться от криков, но через несколько времени водворилось совершенное молчание. «Неаполитанцы!» сказал он звучным и твердым голосом: «ныне торжественный, святой, вечно памятный день. Ныне вы сделали свободным народом. Благодарю вас от имени всей Италии. Вы совершили великое дело не для одной Италии, но для всего человечества. Да здравствует свобода! Да здравствует Италия!»

Восклицание было повторено бесчисленными голосами; много любопытного представляла собравшаяся толпа: в ней был легион амазонок, числом до 200, одетых в гарибальдиевский мундир; эти женщины поклялись стать в первом ряду национальной гвардии, если войска нападут на город; тут были священники с трехцветными перевязями и с трехцветными знаменами, были монахи с ружьями на плечах, были сотни лаццарони с пиками, которыми запаслись они для защиты баррикад, в случае нападения войск. Я заметил, что Гарибальди не упомянул ни одним словом об Викторе-Эммануэле, заметил также, что и на улицах редко кричали что-нибудь, кроме «да здравствует Гарибальди! да здравствует Италия!» Вошедши во дворец и в залу, где принимал Гарибальди, я увидел, что он дает аудиенцию венецианским депутатам. «У нас все готово и организовано, генерал, и мы нетерпеливо ждем минуты, когда начать». — «У вас не может быть больше нетерпения, чем у меня», — отвечал он им».